

18+

SERGIU POSTOLACHI

Линия жизни

КНИГА ПЕРВАЯ

Sergiu Postolachi

Линия жизни. Книга первая

«Издательские решения»

Postolachi S.

Линия жизни. Книга первая / S. Postolachi — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-511361-0

Когда забывается история, начинается Смута. Мы наблюдаем, как на наших глазах пытаются переписать историю. Особенно сильное наступление идёт фронтом на историю Российской империи и СССР. Белое сереет, затем чернеет, и наступает помрачение. Выход один — призвать на помощь воспоминания очевидцев тех событий. В книге первой трилогии, вы сможете окунуться в жизнь начала прошлого века и проследить за событиями глазами главных героев.

ISBN 978-5-00-511361-0

© Postolachi S.
© Издательские решения

Содержание

Глава первая: Переселенцы	6
Глава вторая: Агент	17
Глава третья: Происшествие	28
Глава четвёртая: Война	36
Конец ознакомительного фрагмента.	46

Линия жизни Книга первая

Sergiu Postolachi

© Sergiu Postolachi, 2020

ISBN 978-5-0051-1361-0 (т. 1)

ISBN 978-5-0051-1362-7

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

«И нет страшнее наказания, чем лишение разумного своего естества: ничего его тогда уже не порадует и не успокоит кроме смерти окаянной»

Годы уносят от нас стремительно, бесповоротно, события былых дней. Забываются детали, блекнут краски, стираются контуры. Затем, наступает Смута, помрачение: переписываются страницы истории и новые даются толкования. Возникают новые теории, искривления и кривотолки, разгораются скандалы. Особенно они характерны для сложного периода XX-го века. История становится политикой, а политика историей. В зависимости от самосознания народа, его мудрости, побеждает правда или наоборот – ложь. Как и любой неравнодушный к нашей общей истории человек, я задаю себе вопрос: А что собственно я знаю о том времени, времени сложном, непростом? Как в нём жили мои предки и что они, очевидцы событий, о нём думали? Почему мне кто-то настойчиво навязывает мысль: что я не потомок победителей и настоящих людей, из которых закалялась сталь? По какому праву, кто-то решил, что может решить за меня? Вы уж простите меня за тавтологию.

Так я решил изучить тот бурный период: время гениальных людей, перевернувших систему, время мыслителей, учёных, полководцев и диктаторов. При этом, я взял за основу известные мне факты из открытых источников и с целью погружения в атмосферу той эпохи, я накладываю на эти факты, реальную жизнь трёх поколений семьи Постолаки, живших в то время. Вот мой рассказ:

Глава первая: Переселенцы

Лето 1941-го года началось жарко и жители городов западной окраины СССР дружно двинули в деревню. Это был високосным годом, которого ждут и боятся. После потрясений прошлого года, когда власть снова сменилась, жизнь на западных окраинах огромной страны советов понемногу наладилась: заработали школы, больницы, культурные учреждения. Крестьяне стали продавать свою продукцию на рынках и там, в гуще городской жизни, обмениваться последними новостями. Открыто – люди судачили о разном: о ценах, новых правилах социалистического хозяйствования, нравах и других насущных делах. Дома, при закрытых ставнях и вполголоса, обсуждали: раскулачивание, обязанность сдавать имущество в колхозы; оплакивали вывезенных в Сибирь родственников.

Таких семей было много, но они не составляли большинство, поэтому отношение к советской власти в целом было более чем положительным. Строя коммунистическое общество, люди выучили много новых для себя слов: пятилетка, трудодень, право каждого на образование, труд и отдых. Все эти слова, новые для тугого и забитого бессарабского крестьянского уха, были немножко в диковинку. Вот и старались крестьяне, при наезде городских родственников выпытать у них, что нового в Советском государстве?

Горожане, более образованные и сведущие, старались – как могли, объяснить пока еще сложные вопросы, попутно распространяя свежие новости. Новости, несмотря на спокойный, выдержанный тон газет, были тревожные; просвечивался призрак новой надвигавшейся с запада войны.

Таковыми же заботами жила семья моего прадеда, Иона Постолаки. Глава семейства, простой крестьянин, был среднего роста, широк в плечах и небыло ему деревне, равных в вольной борьбе. Слушая новости, он всегда нервно протирал свои крепкие, деформированные от тяжёлого труда руки; трудно даются простому человеку слодности политики. Он любил рисковать, сменил несколько мест жительства: Украина, Молдавия, Казахстан и даже при румынах попытался выехать в США. Ему этого не удалось, поскольку билет на корабль оказался фальшивым. Так он потерял не только возможность поплыть в США, но ещё и парочки отличных коней, на которых был выменен злополучный билет.

Сменил прадед и много специальностей и как-то даже подрабатывал контрабандой водки в соседнюю Румынию. Но в основном, от так и остался человеком земли. Характер у него был спокойный, хладнокровный. Его жена Ирина, то есть моя прабабушка, была красивой, удивительной женщиной, с голубыми глазами и волосами цвета спелого овса. При разговорах о войне, она всегда смахивала навалившуюся слезу, хоть и имела сильный характер. Это качество, между прочим, поможет ей справиться с семейными делами, пока мой прадед будет воевать на фронтах Первой и Второй мировых войн, а затем сохранить семью во время послевоенного голода, который обрушится на Советскую Молдавию. Они, как большинство народа того времени боялись войны и надеялись, что может всё и обойдётся. Как мы теперь знаем – не обошлось. Всего у них родилось четверо детей: старший Василий, затем по очереди – Леонид, мой дед; Николай и младшенькая Веруня. Имя, девочке, дали не случайное, оно как бы отражает в совокупности тогдашние их чаяния и надежды: Верить.

Начало XX-го века было безумным по всплеску насилия. Подумать только: Первая мировая война, Февральская буржуазная и Октябрьская большевистская революции, Гражданская война, долгие голодные годы и страхи в годы репрессий, нанесли громадный урон коллективной психике. Всем нужен был мир и покой на долгие годы. Особенно это касалось молодых советских республик.

Как и большинство жителей СССР, мои предки тогда считали, что на их долю выпало предостаточно испытаний для одного поколения, чтобы наступили новые, ещё более сложные. К сожалению, они жестоко ошибались – их всех ждало чистилище.

Теперь, спустя десятилетия, когда всё прошлое стало историей, для нас всё предельно ясно. Но тогда, в те времена, ткань будущего плелась неясными узорами из надежд и желаний и никто: ни мой прадед, ни его поколение, не могли многого предугадать; они верили в лучшее – также как и мы сейчас.

****

Переселение. Семья Постолаки, жила в начале прошлого века трудной и размеренной крестьянской жизнью. Это было поколение первое, то есть – моего прадеда. Безземельные крестьяне, они – по программе Столыпинского переселения крестьян, переехали в Бессарабию и постепенно обживались на новом месте.

Им трудно далось то самое решение о переселении. Мучительно сложно для крестьянина, оставлять свой обжитый угол, родное место и в один день – собрать свой нехитрый скарб, погрузить на телегу, посадить сверху детей, жену и уехать в неизвестные края. И пусть тот край не такой уж далёкий, всего лишь пару дней ходу, пусть – он всё равно длинный и трудный для сложной крестьянской души.

Дед Леонид, тогда ещё юнец – потом рассказывал, как горько плакала мама, прощаясь с опустевшим и от этого, таким грустным, постаревшим и вроде даже покосившимся домом. Сам я в детстве видел тот дом и скажу честно – есть что-то в тяге человека к своему месту. На гектаре земли, по границам которого растут высоченные деревья, стоит строение – дом семьи Постолаки. В остроконечном, типичном для Буковины доме, до прадеда жило несколько поколений. Место ровное, плодородное, в конце огорода течёт небольшая речушка.

Село, откуда собрались уезжать – большое, с крепкими хозяйствами, но, несмотря на это, не все жили зажиточно. Семья Постолаки, не смогли разбогатеть, и решила попытать счастье на новом месте. Дед хорошо помнил как его отец, в последний раз, по-хозяйски, сделав обход двора, зачем-то проверил – всё ли надёжно закрыто на замок. Затем вместе, грустной вереницей пошли на кладбище – в последний раз простится с теми из семьи, которые уже никуда, никогда не уедут.

На кладбище, обильно рос пахучий вереск, который уже нацелился на ставшие никому не нужными могилы. Василию и Леониду всё казалось, что деревянные, изъеденные бархатистым зелёным мхом кресты на могилах родственников, неодобрительно, укоризненно прочили: «Что же вы делаете?!». С кладбища вернулись тогда опустошённые – кусок в горло не лез. Взрослые долго потом печалились и охали.

Дорога в бессарабские края, была сложной, нервной: грустно всхлипывали на переполненных обозах бабы, посмурневшие мужики грозили лошадям ни по чём зря и только дети, в своём прелестном неведении, весело смотрели из под подол на такой новый и интересный для них большой мир. А ведь право, было на что смотреть: места были дивной, дикой красоты. Поля, леса и быстрые реки, старались удивить своей новизной, опрятностью. Они манили остаться, позоревать навсегда. Но надо было идти дальше, таково уж было соглашение с властями, которое нужно соблюдать.

Скоро караван груженных скарбом подвод, поскрипывая, шумя детворой, достиг берегов старого Днестра; веками неспешно несущего свои мутные воды к морю. По обе стороны реки, сторожами выросли две огромные, каменные горы, которые всей своей тяжестью нависли над рекою, угрожая сорваться и преградить ей путь.

Горы были дикие, взъерошенные неухоженной растительностью и в сумерках казались ещё огромнее. Несколько дней искали удобное место для переправы, а найдя – двинулись дальше. Детям те дни запомнились рыбной ловлей, купанием и весёлыми играми со сверст-

никами. Сменялись дни и так, редко останавливаясь, переселенцы караваном ползли вперёд, пока не доехали до обещанного места.

Большой пустырь, обросший густой растительностью, удручал неприветливостью до такой степени, что вначале и речи не могло быть о том, чтобы обосноваться. Посоветовавшись между собою, колонисты решили просить местное уездное начальство разрешить расположиться в другом месте, рядом с кирпичным заводом. Завод находился на окраине городка, рядом с карьером, откуда добывалась пригодная для надобностей завода глина. Уговаривали местное начальство при помощи немногих русских слов, сдобренных хорошей порцией вкусного, густого вина.

Недаром виноделие считали лучшим достоянием этого спокойного и трудолюбивого народа. Порядком охмелевшие чиновники, беззлобно ворча, дали добро и караван дружно последовал к своему новому пристанищу. Здесь, на горе с видом на город и озеро, которое почему-то называли «Французским», по соседству с лесом основали новое поселение. Насчитывало оно порядком ста душ населения и в основном состояло из жителей молдавских поселений, веером разбросанных на благодатных землях Южной Буковины. Большинство были родственниками, так что, на новом месте, стали дружно друг другу помогать и в течении лета 1910-го года, в этой части Российской империи, пустило корни ещё одно временное поселение. Поскольку оно выросло рядом с городком Фалешты, то недолго думая присвоили название Новые Фалешты, то есть, как бы с намёком на что-то новое.

Осели, но корнями не зацепились; как показала первая же зимовка, место оказалось неудачным, ветреным и холодным. Как ни старались поселенцы справиться с ненастями зимы, холод и сырость проникали в их жилищах, болели старики и дети, а весной, недосчиталось село нескольких жителей. Так вот, немного грустно началась жизнь на новом месте.

Как только зима отступила, и земля стала возрождаться и зеленеть, состоялся сход, на котором, недолго споря (крестьянам весной не до споров), единогласно решили заново просить начальство, разрешить им поселиться уже на том – старом, ранее предложенном властями месте.

Опять пошли на поклон в уезд. Приняли их власти хорошо, но удивились непостоянству новоявленных жителей: «То им не нравится предложенное место, то они просят обратное? Странные какие-то колонисты, им землицы отвели, а они выбирают!»

Однако это обстоятельство не повлияло на настроение властей и чинить препятствия, никто не стал; стране нужен был хлеб и для этого крестьяне должны были, скорее вернуться к своему ремеслу, то есть к земле. Обосновавшиеся и радостные от встречи с неосвоенной землёй колонисты, не зная об ожидавших их событиях, стали пахать, сеять и лелеять на редкость жирный чернозём, который в первый же год благодарно – за труды, наполнил все имеющиеся в наличии амбары. Такого урожая никто из них ранее на севере не собирал и если бы не такие сдирающие с хлебопашца три шкуры проценты по кредитам, то жители вполне бы зажили себе в достатке и в довольствии с первого урожая.

Но в те времена в Российской империи, как и впрочем, в других империях, удел крестьянина был тяжёлым, незавидным. Жители села ещё не могли пользоваться благами научного прогресса и деньги на новую технику у них не водились. Работали старыми методами всегда в долг. Одного у них было в достатке – солёный пот.

Но всё же, привыкшие к тяготам колонисты, не жаловались. Они радовались новому месту и тем незначительным льготам, на которые они пока имели право. Ведь не просто так крестьяне решились на переселение. Крестьянин, перед тем как что-то сделать, степенно раздумывает о последствиях своих действий; не будет он пороть горячку и менять шило на мыло. Работали, стали расслаиваться, наметились первые трещины в однородности крестьянского общества. Хозяйства стали делиться на богатые и бедные. Те семьи, которые обладали работоспособными, крепкими лошадьми, лучшими участками, вскорости стали снимать большие

урожаи и копить больше денег, чем все остальные. Тем более преуспевали хозяйства, которые работали исключительно на свои деньги, таким образом, экономя на процентах ростовщикам, занимавших всю центральную часть городка.

Но богатых хозяйств, всё же было гораздо меньше. Две трети колонистов, успели погрязть в долгах перед ростовщиками и осенью, большая часть их дохода уходила на покрытие накопившихся процентах.

Люди всё равно жили и старались не думать о своей тяжёлой судьбе. Так жили соседи, жители уезда, да и всех губерний, в которых им пришлось когда-то побывать. Вечерами уставшие от работ парни, одевали новую одежду и разбредались по селу, выпрашивая у родителей позволения, свидеться с дочерьми, которые сидя скромно в доме, кидали украдкой любопытные взгляды в сторону калитки.

Отцы не спешили, они своё дело знали. Сначала выпрашивали ухажёров о здоровье и делах родителей, плавно переходя на новости о делах житейских. Родители хитрили и только – хорошо помучив нетерпеливых парней расспросами, давали или нет своё разрешение.

Однако, как правило, на этом разговор не кончался, так как девушка, которая наконец-то получала позволение на свидание, не могла выбежать и броситься опрометчиво на шею ухажёру. Девушки в то время скромничали. Только когда, довольный собою отец, уходил в дом, молодые брали друг друга за руку и счастливые удалялись в спасительную темень. Молодость во все времена одинакова.

Случались в селе и конфликты, не без этого: то не поделили надел, то скотина зашла на чужое, ещё неубранное поле. Это в итоге привело к появлению в селе жандармского поста. Жандарм, человек суровый, ретивый – быстро, действенно и не всегда справедливо решал возникшие проблемы. Он работал так, как ему велела инструкция и долг службы. Не до совести ему было, – «Ишь – чего захотели», – любил он повторять, посмеиваясь в роскошные усы, которые он взял за правило покусывать.

Но опять-таки, привычные к таким правилам крестьяне не роптали, власть они уважали, хотя кое-кто из сельчан, успел уже почитать в городе запрещённой литературы. Прочитавшие смутились. Озадачились крепко задубевшие умы. Задеревеневший крестьянский ум любит порядок во всём. Ведь как думал тогда среднестатистический крестьянин?

«Земле нужен хороший хозяин и преемственность традиционного уклада жизни», – вот что он думал.

По их разумению: «...если земля, не может разродиться урожаем без хозяина, то и страна не может процветать без сильной и волевой центральной власти».

«Государь есть помазанник Божий, – любил напоминать благообразный батюшка Виссарион сельчанам в воскресный день, – от этого и беспрекословно слушать Его надобно всегда и во всём». Верующие крестились и воспевали Бога, Его сына и помазанника божьего.

Конечно, паства была очень далека от политики, но батюшка считал нужным добавить: «Говорю вам, все те, кто против Государя, против Бога! Остерегайтесь политики, всё это от лукавого, бесовское!».

Паства пугалась – ещё более набожно крестилась и далее, после службы, шла смиренно служить – не роптала. Так всё и двигалось, непонятно совсем в какое, но, тем не менее, будущее, пока вдруг – совсем неожиданно, округ всколыхнула новость о событиях в столице.

Восстание! Вос-ста-ни-е!!!

Если бы ангел сошёл с небес русских, аль гром грянул посреди ясного неба и то неизвестно – удивились ли более, православные? То было событие. Порабощённая ещё с крепостничества некогда свободная Русь восстала против тирании и несправедливости. Полилась кровинушка святая, поскольку народная.

Только по тому, насколько новость опоздала, можно было судить об оторванности молдавского захолустья от сердца Империи. События 1905-го года, давно прокатились волной по стране, а в Бессарабию, она добралась с опозданием, неясно и в последнюю очередь.

Молодой Василий, о бунте прознал на местном рынке скота, куда заезжал по делам хозяйским.

– Василий, – кликнули его – подойди, поговорим.

Городской знакомый по имени Николай или просто Коля, страстно любивший удивлять новостями зазывал поговорить. Долговязый Коля работал на железной дороге помощником машиниста и по роду своего занятия много ездил и отовсюду собирал интересные новости. Он и сейчас был одет в свою всегда чумазую спецовку, которая сверкала вычищенными до золотого блеска пуговицами с эмблемой Российской железной дороги.

Василий охотно отозвался и подошёл. Коля частенько привирал, но иногда от него можно было узнать что-то стоящее.

– Привет, – поздоровался Василий, – зачем звал?

Спросил больше для проформы, хоть и знал – зачем зовут.

– Давай отойдём туда подальше, – предложил Коля, – там ушей лишних меньше. Отошли на несколько метров.

– Знаешь, – начал Коля, воровато оглядываясь, – в столице был большой бунт. В воскресенье собрался народ и ведомый попом Гапоном, пошёл просить Императора пожалеть народ, дать ему больше свободы. Пошли они значит с плакатами, несли кресты, молились и думали – поговорят с Императором и всё решится мирно. Ан не вышло, – в глазах Коли засверкали торжественно – злобные огоньки, – вместо разговора, Император послал войска и когда народ отказался разойтись по домам, те начали стрелять.

Коля замолчал, давая возможность Василию проглотить невиданную новость. Для усиления эффекта, Коля шепнул в продолжение сказанному:

– Народу уйму положили, за что поп Гапон наслал на династию проклятие и вроде даже бы призывал к вооружённому восстанию.

– Вам не нужен хороший бычок на мясо? – встрял проходивший рядом плешивый, маленького роста некрасивый мужичок, – продам недорого.

– Слушай дядя, шёл бы ты отсюда, не видишь – мы тут разговариваем! – слишком нагло ответил продавцу бычка, Николай.

– Ты чего тут распоясался? – визгнул мужик, явно стараясь привлечь внимание рядом торгующихся людей, – здесь базар, я предлагаю – ты, хочешь, покупаешь, хочешь, нет! И не хами мне, я тебе в отцы гожусь!

Соседи, продавцы и покупатели, раздражённые такими словами, развернулись в сторону начинающегося скандала. Особенно набычился один здоровый детина – перекупщик, который как раз впаривал одному бедолаге нехорошую на молоко корову. У той был известный изъян, который неопытный покупатель не заметил. Перекупщик и покупатель уже занесли руки для скрепления сделки «по рукам», когда некрасивый мужичок, ставя на место нахамившего Колю, нечаянно заставил корову развернуться не с товарной стороны.

Покупатель ахнул:

– Ах ты, сукин сын, да ты меня дуришь, как Емелю...?!

Ладонь так и повисла в воздухе и сделка отменилась. Перекупщик, полный ярости, решил свой гнев выместить на Николае.

– А ну иди сюда, ты, что так на меня смотришь ще....

Остальные слова так и застряли в горле перекупщика. Он заметил буравившего его глазами начальника. Перекупщик чуть не задохнулся от злости: «такую сделку сорвали», но кулак Ивана Петровича, старшего по ремеслу, он испробовал не раз. Немое «цыц» приказывало

воздержаться. Неудачливый продавец увидел, что того же покупателя успешно успокаивали и дурили в другом месте – на это раз ему продавали престарелого поросёнка.

Перекупщик зло потянул бедное животное и исчез в толпе. Походя, он бросил ненавистный взгляд на Николая, который ответил ему тем же. Но у Николая, кроме перекупщика осталась другая проблемка. Коротышка, насупившись словно бычок, ждал развязки. Его плешь вся покраснела и покрылась неприятным слоем пота.

– Ну, давай дядя, извиняй, если обидел, я это, случайно, – примиряюще заискивающе запел Николай, решив успокоить жилистого доходягу.

Мужичок, как все низкорослые и обделённые природой люди, извинения принял высокомерно, наплевав на необходимость сделать ответный шаг. Он только толкнул вперёд бычка, который впереди хозяина уныло побрёл куда-то в сторону. Видимо даже бычку, хозяин надоел своей мелочностью и сволочностью.

Видя, что конфликт улажен и новость про бунт, произвела на Василия нужное впечатление, довольный собою Коля заспешил искать новые свободные уши.

– Пряники, пряники, кому пряники!?! – голосила и предлагала баба посетителям базара пряники.

Заклучившие сделку торгаши посмеивались: «Пряники к соточке не совсем та закуска».

Продаю коня, корову, молочных поросят, гусей, нутрий... Кого только не продают на молдавском скотном рынке, особенно ночью, под утро, когда нередко и кот в мешке отличный товар. Бывалые торговцы старались расположиться поближе к центральному входу – там, кто знает базар – торгуется бойчее. Сплавил товар, купил другой, ударили по рукам, выпили стопочку, празднуя сделку и домой, там, где уже по-настоящему поймешь: выиграл или прогадал. Если выиграл, то корова отелится, даст много вкусного молока; поросёнок станет к осени сто килограммовым кабаном – как раз на мясо, не жирен и не худ; конь будет добрым помощником в хозяйстве.

Ну а если прогадал, тогда всё с точностью до-наоборот: корова окажется пустой, ненужной, только расходы на корм, а на мясо жалко. Иногда бывает, что сама она пеструшка неплоха, но наглоталась корма, а в ней игла, которая кольнёт через неделю сердце и тогда страдая, на мясо. Что про поросёнка, он окажется старым кабаном лилипутом, у которого только волосы будут расти нормально и осенью он, будет весить ровно столько, сколько весной. Так уж повелось на базаре: кто-то выигрывает, кто-то теряет.

Василий стоял как вкопанный и на суету базара никак не реагировал. Казалось, он оглох. Не верилось ему что, вот так, рабочие и торговцы, простой люд соберётся и выступит против помазанника Божьего – опоры страны. Туда – сюда сновали люди, толкали мешавшему движению паренька, а он только глупо улыбался и думал о своём.

– Парень, купи сладости, – вывела его из оцепенения торговка леденцами, – смотри какие у меня красивые карамельные петушки. Купи, не пожалеешь!

– Дайте мне две штуки – те, что посветлее, они не горчат, – сказал машинально Василий.

– Вот это другое дело, – похвалила его смеющимися глазами баба, – держи, с тебя две копейки.

Баба протянула бумажный пакет, в котором гордо лежали два прекрасных, золотогривых карамельных петушка на палочках. Василий расплатился, взял пакет и решил идти домой. Он вспомнил про футбол. Сегодня, они играли с сильной командой из соседнего села; нужно было успеть. И вновь побежала тропика через лесочек вверх, а там по полю километра три, не более. Шёл уверенным молодым шагом, и засматривались на него встречные девушки. Рос мальчик парнем недурным, добротным, как впрочем, и брат Леонид.

Дома Леонид обрадовался сладостям. Один петушок Василий припрятал для подруги, затем пошёл на футбол.

****

Вот это был матч! Противники с остервенением гоняли мяч с одной половины поля на другое. Били сходу в атаке, делались подкаты, нарушались правила, назначались штрафные удары, устраивались «вне игры». Ребята выкладывались по максимуму, но, несмотря на их усилия, мяч никак не хотел пересечь линию ворот. Всякий раз, когда казалось что, вот, сейчас он это сделает и победно ударит в сетку, на пути появлялось препятствие: хваткая рука вратаря, твердолобая голова защитника и на этом голевая траектория мяча прерывалась.

Шла девяностая минута матча, а счёт оставался нулевым. Пот обильно стекал с игроков, и казалось – ничьи не избежать. Уже судья посмотрел на свои часы и поднёс свисток к губам, когда случилось чудо. Защитник противника, пробил с силой мяч и тот, по невероятной траектории, попал прямо в родную девятку. Зря кинулся его доставать назначенный вратарём долговзый Захария; такие мячи не берутся.

– Г-о-о-о-л, Ура-а-а-а! – закричали многогласо болельщики соперника. Принимающая сторона только печально пожала плечами, дескать: «мяч круглый, не повезло». Судья бесстрастно указал на центр поля, но судьба матча была ясна. Удар по мячу; три свистка арбитра. Матч закончился со счётом ноль один в пользу гостей.

Василий, снял мокрую футболку с номером 13 и сел на газон отдышаться. К нему кинулся переживающий Леонид; у того были слёзы на глазах от разочарования. Дрались сегодня с соседями достойно, но команде не повезло.

– Ничего, в следующий раз мы их обязательно одолеем, обязательно, – уверил Василий брата – вот увидишь!

Следующего раза не было – помешала Война.

На следующий день после матча, разбирая детали поединка, Василий неосторожно поделился новостью о восстании в столице с одним своим товарищем, Петром, который на своё и Василия несчастье, оказался слишком длинным на язык. Вечером, товарищ рассказал знакомому по учёбе Григорию, а тот Трифону. Так, новость о Кровавом Воскресенье стала гулять по селу: «В столице люди пошли к Государю, а он приказал стрелять. Были убиты много женщин и детей, солдаты никого не щадили...». Новость обрастала небылицами, страшилками и домислами. В таком состоянии, она дошла до чутких на новости уши властей.

Через три дня настырный жандарм прознал, откуда тянется цепочка слухов. Он не стал медлить, решив дело обустроить по старому – то есть резать на корню. Василия, Петра и Трифона, со связанными за спинами руками словно преступников, доставили в жандармерию, где юноши были крепко биты «за распространение запрещённой и опасной информации». Только после этого их отпустили, да и то под родительское слово. Пока власти ограничились телесной и моральной поркой. Тем не менее, парней взяли на особый карандаш. У них появились личные дела с персональными номерами, в которых, стала накапливаться информация: такого-то числа, был там, встречался с тем, говорил то...

Время улетучивалось – дела пухли, обрастали фактами. Для Василия в частности прорисовывалась не очень-то радужная картина: «...слишком умён, интересуется политическими новостями, высказывается за всеобщее равенство, не признаёт сложившееся классовое общество...»

Родители, регулярно выслушивающие воскресные проповеди, ругали старшего за проступок, так неудачно поссоривший их семью с представителем власти. Родители недоумевали: «ну на кой чёрт понадобилось ему, будучи на рынке, слушать и тем более распространять какие-то сплетни? Вроде парень видный, серьёзный, и у сельчан на хорошем счету, а он такое вытворяет!

– Власть сынок, от Бога! – неустанно повторяла заплаканная мать. Отец молчал. Но молчание это было хуже морали.

«Лучше бы он меня порол, ей богу, а то молчит и молчит!», – думал ослушник.

Отец упорно молчал день, второй, а на третий вымолвил:

– Пошли-ка сынок на поле, там есть одна работёнка, нужно её бы доделать.

Василий обрадовался: «Ну, Слава Богу, пронесло». Собрались, взяли необходимое и потопали на поле. Лошадёнка захворала, вот и пришлось идти пешком. За ними увязался и Леонид, как-никак, почти взрослый в свои восемь лет. Прошли как обычно по нижней, хвостовой части села. Там царило оживление. Сотни пернатых: утки, гуси, разноголосого гоготали, делили территорию пруда и дрались за еду. Особо неистовствовали серые, большие, жирные гуси. Банда пернатых соперничали, сходились стенка на стенку, хлопали крыльями и кусались. Внезапно с горки показалась ещё одна стая, штук тридцать серошеек. Используя спуск как ускоритель, они разбежались и, набрав ход, раскрыли крылья и полетели.

Василий даже остановился, любуясь этим зрелищем. На минуту, одомашненные птицы вспомнили про то, что они когда-то были вольные и умели летать.

Грузно, птицы пролетели метров тридцать и бешено, гогоча, выставляя широко вперёд оранжевые лапы, стали опускаться. Приземление пернатых на водную гладь пруда, спровоцировало тысячи брызг, в которых, переливаясь всеми цветами – вспыхнула радуга.

Поскольку видимо шума и гама пернатых было мало, случилось вторжение. Сначала отара овец, а затем стадо коров, поднимая тучи пыли коричневато-густой пыли, стали спускаться с пастбища к пруду. Откормленные животные, страдающая от жажды и насекомых, тараном прорубили дорогу через убегающих во все стороны скандалисток; с шумом зашли в прохладную жидкость. По пояс в воде, коровы стали пить много, жадно, до отвала. Над ними, кружили вечные спутники-паразиты, ожидая пока коровы, не напьются и не выйдут на берег. Самые злобные, садились на спины и получали хлёсткие удары кнутоватыми хвостами.

Оглушённые, мухи падали в воду, где сразу попадали в пасть вечно-голодных рыб. Вот такой круговорот в природе, цепочка при которой хищник выжидает жертву, сам становясь добычей.

Пернатые, представители семейства вегетарианцев изрядно всполошились, нервно защищая отвоёванную у людей территорию. Но силы были, слишком неравны – кому-то приходилось уступать. А тут ещё в придаток к парнокопытным, прибежали сторожевые псы: крупные, мохнатые, хорошо вскормленные старыми пастухами.

Птицы, гогоча и ругаясь, нехотя тактично отступили к центру пруда, на глубоководье, там – где крупный карп, наевшись мух, ищет прохладу.

Карп, дядя серьёзный, шевелит усами и отгоняет несмышленного, простоватого карася на мелководье. Там карась, в зарослях камыша играет в прятки с ловцами, периодически плутая и попадаясь в клюв охотникам. Но у карася есть союзник; крупные, глазастые зелёные жабы, завидя хищника поднимают тревогу, квакают так, что даже глухой их услышит. Живёт природа своей жизнью, балагурит, процветает – тянет жизнь дивную вперёд – через века.

– ...идём, – донёсся до ушей засмотревшихся на природу, голос отца.

С неохотой, Василий развернулся и пошёл дальше, туда – где их ожидала работа. За ним следовал Леонид, который тонкой хворостиной бороздил толстый слой пыли. Скоро они вышли из села; пошли по белому варианту шоссе. Мелкий белый известковый камень, больно врезался в пятки, и скоро решили идти по траве. Шли быстро, но осторожно – периодически на ровном ковре травы попадались сухие колючки.

Сверкнул очередной пруд – большой, глубокий, сильно обросший камышом. Пошли по земляной плотине. На плотине травы было мало; сплошь вытравили её ездившие по ней ту – сюда, подводки. Глубокие ложбинки колеи хранили память о недавнем дожде и приятно охладили пятки.

Со стороны пруда дул свежий ветер. Водная рябь, подхватываемая ветром, взлетала и разносилась на значительное расстояние, приятно холодела кожу. За дамбой грунтовка шла по краю большого кукурузного поля. Початки были крупными – обещали отличный урожай.

Через стройные ряды, просвечивались крупные оранжевые тыквы размером с колесо. Дети старались не касаться кукурузных листьев, которые имеют привычку царапать голые участки тела, вызывая раздражение. Вскоре, показалась глубокая ложбина на смыке двух горок. Довольно большая, она сильно заросла дикими маслинами. В самом её центре, лысела травяным покровом поляна, а на ней стоял маленький колодец – из тех, которые устраивают для утоления жажды полевых работников и всякого люда. Устроен колодец был просто: цементный туб, вал, ведро; ничего лишнего, всё необходимое. Тем не менее, колодец радовал глаз красивой, вычурной крышей из жести.

– Будем менять ведро, старое прохудилось, гляди оторвётся, – проговорил отец, – поставим новую; заодно и вал починим.

Достали инструменты, засучили рукава и «С Богом». Осмотрев хорошенько цепь, решили её пока не менять. Сняли старое, во вмятинах ведро. Затем сняли вал. Заржавевшие от непогоды гайки никак не поддавались. Смазали немного солидолом, но от этого они стали только жирнее, соскакивая с гаечного ключа.

– Давай попробуем вдвоём, – предложил отец, – так сподручней, да и силы больше, – а ты Леонид, держи вал, чтобы не крутило.

На разводной ключ одели кусок железной трубы. Взяли разом и медленно, стали увеличивать давление на гайку. Ржавчина упиралась, сколько могла и вдруг, дала трещину и со злым скрежетом, сдалась. Далее пошло веселее: открутили несколько гаек, сменили болты на новые. Вал был сделан из кругляка, обхваченного на концах стальными обручами. В том месте, где его тысячи раз гладила человеческая рука, опуская ведро в колодец, он был гладким и казался полированным. Вал был старым, ненадёжным и его тоже сменили на новенький – дубовый. Оно, конечно, можно было и на железный. Да только железо, имеет скверную привычку: ржаветь и тогда попробуй, коснись его, особенно в зимнюю стужу.

Сменили вал, закрутили гайки и стал колодец другим – новеньким. И даже вода холодная, показалось вкуснее из нового ведра. Водичка имела тот вкус живой воды, которая не успела утратить свои целебные качества за то время, что её отняли у источника. Попили вволю. Стояла жара и к маленькой лужице, которая стекла с края бетонного кольца, немедленно слетелись пчёлы освежиться. Если бы всё можно было передать словами. Благодать, вот как можно охарактеризовать то счастливое состояние, в котором пребывал мой дед Леонид, поработав с отцом и братом на поле. Простой человек живёт и радуется простым вещам, тем – которые природа для него заботливо приготовила. Воздух, звон полей, приветливое солнце, вода, здоровье, радость быть вместе. Чего-то ещё надо, для того чтобы быть и остаться счастливым? Леонид, да и Василий осознавали, насколько они в этот миг счастливы – вот они, всем доступные радости жизни...

Выпив воды, вспотели и решили ополоснуться, заодно ещё раз проверили работу вала. Ведро весело, под звон разматывающейся цепи, спустилось вниз плавно, без дребезжания; затем плеснулось о воду. Вытащили ведро стройно, без скрипа – вал работал «на отлично». Отец, на правах старшего, взял ведро, оттянул метра на два от колодца и плеснул воды в выдолбленную в камне чашу. Сыновья стали воду вычерпывать сложенными «лодочкой» ладонями и умываться. Тысячи мелких иголок приятно кольнули шеи, спины парней. Ополоснулись, смыли налипший пот, теперь можно было за стол

– Ну что же, поработали, а теперь время обедать, – установил довольный отец, – посмотрим к, что там нам хозяйюшка приготовила?

Василий взял корзину, их тех, что и поныне можно найти в молдавских деревнях – плетённые из разноцветной, преимущественно синей проволоки. Плетётся она достаточно просто и быстро из изолированной проволоки. Её преимущества в том, что она легка, прочна и не боится дождя. В то же время, она легко пропускает воздух, который циркулирует и не даёт продуктами испортиться от жары. Судя по весу, хозяйка положила всего в достатке. В корзине,

были: аккуратно сложенный свёрток с едой, бутыль с домашним вином и пустая бутылка для воды.

Леонид, постелил на траве под маслином белую скатерть и вместе с братом разложили нехитрую еду: большой кусок овечьей брынзы, пучок зелёного лука, полкаравая, шесть круто сваренных яиц. Рядом он положил два стакана и бутыль с красным как кровь вином. Леониду пить вино было ещё рано.

«... во имя Отца и Сына, и Святаго Духа – Аминь», – закончил отец Отче наш. Перекрестились, сели обедать чем Бог послал.

По-прежнему дул теплый ветерок – шептал секреты поля, дурманил запахом нескошен-ных полей. Кукуруза шелестела спокойствием, а высокий подсолнух качал купной, немного кучерявой солнечной шляпой, пугая тенью муравьи. Те расплзлись цепью разведчиков по окрестностям, нашли что-то съестное и потянули в сторону большого муравейника с полметра высотой. Непокойный Леонид успел уже шаловливо воткнуть хворостинку в муравейник, чтобы проверить реакцию насекомых. Муравьи не испугались, наоборот: они повалили из всех щелей и гурьбою стали нападать на инородный предмет, который посмел врезаться в их дом. Они накинулись на хворостинку и с десяток штук полезло на хворостинку, чем и воспользовался Леонид. Он тотчас вынул хворостинку и приблизил к глазам. На древке, смешно передвигаясь лапками, маленькие создания бегали туда-сюда, ещё не понимая, что они в западне. Леонид понаблюдал за их телодвижениями с любопытством, после чего заскучал и осторожно поставил хворостинку так, чтобы муравьи смогли спокойно сойти, что те и сделали.

В маслинах было уютно, пахло травой, цветами, миром. Метрах в сто, ниже от того места, где они присели обедать, на озере гуляла рябь. Густой камыш гудел разнородно, умиротворяюще. Внезапно, из камыша, опасно оглядываясь, показался разведчик. Крупный селезень, пытливо осмотрел окрестности и только после этого, крикнул кому-то сзади. Ему ответили сразу несколько голосов, из которых большинство детских.

– Кря-кря-кря.

– Мак-мак, кря.

Утка и штук двенадцать прекрасных жёлтых утят, бойко выскочили из зелени и последовали за главой утиног семейства. Они плыли ровно по центру. На другом берегу пруда, паслось стадо коров, которые после полуденного отдыха, успели перескочить за бисер шоссе. Флегматичные пастухи ленились, скинув всю работу на сторожевых псов. Те, с остервенением отгоняли коров от заманчивой зелени горохового поля, которое скрывало опасность. Бывало ранее, корова проскакивала, наедалась до отвала сладкой и вкусной травы, чтобы потом слечь от несварения. Тогда несчастная пухнет, пока не лопнет желудок и наступает смерть. Выход один: дать лекарство и гонять её родимую по полям, пока не заработает туго набитый желудок.

– Летит время, – констатировал отец, – вкусно, с хрустом заедая кусок овечьей брынзы зелёным луком, – скоро собирать урожай. Год нынче хороший, даст бог – всё соберём.

Налил красную, пенящуюся жидкость по стаканам, выпили: не вино – нектар, напиток богов. Леониду не дали, не дорос. Домашнее вино у молдаван некрепкое, градусов семь – восемь максимум, это если не разбавлять сахаром что, прямо скажем, позорно для хозяйственного крестьянина. Прохладное, из погреба вино не успело ещё согреться – это то, что нужно на поле. Вино освежает, даёт сил, помогает довершить начатую работу.

Ели, не спеша, наслаждаясь панорамой, невольно сравнивая с тем, что было в Буковине, в Черлена Маре, что в переводе означает: Большая Черлена. Черлена Маре, красивое, большое село. Места там более ровные, чем в Бессарабии. В песчаном грунте хорошо растёт картошка, лук, овощи. Но по сравнению с Бессарабией. Она находилась севернее, там и стужа в зиму сильнее, да и много что, не растёт: например персики. А здесь вот, росли.

Поймали себя на оправдание переезда и чтобы сбить мысли, старшие начали разговор:

– Ну что же сын, – стряхивая с губ крошку, начал разговор отец, – теперь, мне нужно с тобою обсудить некоторые важные вещи. С глазу на глаз, без посторонних, – он посмотрел на играющего с кузнечиком Леонида, – Леонид не в счёт.

По выражению лица отца, Василий понял, что отец немного озадачен, обдумывает наперёд каждое слово.

– Я слушаю тебя отец, – просто ответил Василий, из уважения прекратив жевать.

– Понимаешь сын, мы люди простые, с земли. Так повелось, что жили мы всегда небогато, но складно, честно и дружно. Такие были наши предки, так живём мы и такими мы с твоей матерью вас пытаемся сделать. Хотим мы с матерью, чтобы вы росли людьми совестливыми, правила уважали и с властью не спорили. Конечно, это вам решать, кем вы хотите стать. Но пока я жив, я прошу моё слово уважать. Я надеюсь – ты меня понял?

Василий понял. Простые слова, всегда понятны; они без шелухи, в них голая, правда. Замычали коровы в посадке, встрепенулись пернатые на пруду, как бы ощущая искру напряжения в горячем воздухе: «Но я же ненароком, случайно, а меня за это бить?! Да кто я тогда такой для них?» – внутренне закипело у парня.

Неспокойные слова бередили душу внешне спокойного, юноши. Но он не смел – перечить отцу, воспитание не то было.

– Для меня отец, – выговорил взволнованный юноша, – твоё слово – закон. Я обещаю, больше никогда я не буду нарушать закон.

Отец взглянул молодыми, серо-зелёными глазами, одобрительно, примиренчески добавил:

– Ты сын не переживай, жизнь она всё на своё место поставит, попомни мои слова! Всё и всех!

Закончив на том разговор, покончили на сегодня и, собрав всё нужное, вернулись домой. Этот разговор возымел свои последствия... Но сначала необходимо прояснить ситуацию в Европе и Российской Империи начала XX-го века.

Глава вторая: Агент

В преддверии Первой мировой, тлеющий конфликт европейских спецслужб перешёл в активную фазу. Особенно ожесточённо соперничали на сопредельных территориях и в нейтральных государствах.

Одной из таких стран стала Швейцария. На её прекрасной, богато одарённой Богом территории, соперничали германская, французская, итальянская, австро-венгерская и русская, разведки. Одним словом все крупные участники будущего столкновения. Как ни странно, русским было труднее всех. Им приходилось противодействовать не только иностранному элементу, но и своим. В стране скопилось много враждебно настроенных к собственной стране и власти личностей. Тогда, как впрочем, и сейчас, находясь за границей это было модно. Но были и свои, объективные причины. Старая, закостенелая система не могла и не хотела меняться. Традиционный монархический уклад мешал особенно неординарным личностям; горевшими переменами.

Этим обстоятельством решили воспользоваться немцы, которые старались ослабить будущего вероятного противника – Россию, до начала военного конфликта. Германская разведка, предусмотрительно решила действовать чужими руками, подыскивая кандидатов на роль троянского коня для взлома России. Присматривались ко всем, но особенный интерес, проявлялся к идейным вдохновителям, вроде тех, которые облюбовали себе пристанище в Женеве и Лозанне. Там таких было много и их число неизменно росло.

Почти все избежавшие каторги революционные деятели, среди которых выделялся Ленин, бежали через Финляндию в Швейцарию и на новом месте не собирались любоваться альпийскими лугами, купаться в целебных источниках и глотая горный воздух, писать философские трактаты.

Конечно, эти развлечения их тоже интересовали, но Дело было превыше всего. Революционеры стали собирать конгрессы, пожертвования, строить планы свержения Российского самодержавия. Действовали революционно настроенные умы не всегда спокойно, но местная полиция, с подачи немцев, на все проделки иностранцев смотрела сквозь пальцы. Пока полиция только тщательно собирали компромат на идейных лидеров. С обрастающих данными досье снимались копии, которые за хорошие деньги передавались германскому резиденту в Швейцарии. Широко использовались дипломатические и торговые представительства, через которые и переправлялась информация и деньги.

Германская разведка, как впрочем, и французская, расположила свои резидентуры в кантонах, где им сочувствовало местное население. Немецкие кантоны Швейцарии кишели желающими служить интересам Германии. Главным образом, разведка велась через те же торговые конторы и представительства. В другие кантоны засылались молодые девушки, желающие работать горничными либо в кабаре. Часть агентуры внедрилась в ряды русской политической эмиграции.

Это было несложно. Двери в русский клуб революционеров неосмотрительно был открыт для всех. Принимались как соотечественники, так и иностранцы, включительно немцы, поскольку считалось, что «Революция не признаёт национализма». Конечно, в целях конспирации, при приёме в ряды борцов, устраивались проверки. Чаще всего проверки ничего подозрительного не выявляли. Реже, нащупывали провокаторов, которых скопом, изгоняли. В общем, ничего невозможного для того, чтобы подослать Парвуса к Ленину.

И вот – свершилось. В Россию потекли реки оружия. Если раннее оружие в России было редкость, то теперь, в крупных городах, полиции при облавах стали всё чаще попадаться образцы оружия иностранного производства. Власти попытались противодействовать. Дело

перешло под особый контроль и вскоре, следователи поняли – следы поставок оружия ведут в порты Финляндии, а оттуда за кордон.

С этим надо было что-то делать. И взялись. Вначале, был организован тотальный контроль над импортом через порты на Балтике. Это дало первые положительные результаты: была перехвачена крупная партия оружия и боеприпасов. Когда контрразведка пришла брать товар, боевики из матросов, оказали ожесточённое сопротивление – было убито и ранено несколько солдат. Но всё равно, заграничная подпитка делало своё дело. Весь последующий период количество неучтённого оружия в стране только росло. Вскоре оружие заговорило.

Серия политических покушений случившихся в стране, всколыхнула общество. Люди далёкие от политики требовали наведения порядка. Что уж говорить о представителях власти.

Начальник Особого отдела Департамента полиции, полковник Зубатов, грамотный руководитель, немедля распорядился ещё строже контролировать порты. Предприняли и другие меры. Начальник всесильного органа политической слежки, помня судьбу покойного Александра 2, который не избежал бомбы, старался всеми силами остановить насилие.

Задолго до Кровавого Воскресенья, под руководством Сергея Васильевича, была практически заново отстроена современная система безопасности. Охранное ведомство, в революционной среде ласково именуемая леденящим душу словом «охранка», открыла отделения в каждой губернии, потеснив не совсем годившихся для такой тонкой работы грубоватых и во многом малообразованных жандармов.

Так в 1902-ом году, то есть за три года до событий 1905-го года, на маленькой, обросшей лопухами железнодорожной станции, по соседству с вышеуказанным селением бессарабских колонистов, появился широкоплечий, волевой человек среднего возраста. Человек спрыгнул с подножки железнодорожного вагона, уверенно прошёл через здание вокзала, где на секунду остановился. На стене напротив ожидавших поезд пассажиров с котомками и чемоданами, претенциозно и величественно горела бурей картина Айвазовского «Девятый Вал».

«Надо же, культурно, однако, в этом захолустье. Так, посмотришь на жителей и не скажешь, что интересуются».

– Котовский защищает восставших батраков и не боится властей! Господа, покупайте вечернюю газету, только свежие новости! – с торжеством в голосе неожиданно прокричал рядом мальчишка продавец газет, – Покупаем вечернюю газету! – пристал мальчик к господину.

– Ты что кричишь то так, мальчик?! – рассердился господин на секунду. – Ну, дай одну тогда, сколько я тебе должен? – более примирительным тоном, добавил господин.

Мальчик посмотрел на господина: «Столичный фронт. Ишь ты, пугается он, а сам видно ещё тот верзила, пусть и в дорогом твидовом английском костюме. С такого можно и пятак получить, останутся две копейки на пряники», – решил мальчик.

– Пять копеек и газета с жаркими новостями Ваша, уважаемый господин.

– Держи десять, – расщедрился господин, заставив мальчика округлить луковичные глаза, – купишь себе пряники на чай.

– Нет, что Вы, пожалуйста сдачу, – протянул мальчик сразу обе руки: в одной была газета, в другой мелочь.

Господин взял газету, а от мелочи отмахнулся:

– Сохрани, я от души.

Со свёрнутой в трубочку газетой, щедрый господин поймал на улице транспорт и поехал в город, оставив жандармов с носом. Его прибытия ждали. С самого утра ждали. Но все равно, незнакомцу удалось проскользнуть. Зря стояла с утра на вокзале жандармская служба. Ждали импозантного, при регалиях, будущего начальника отдела политического сыска. Когда «будущий начальник» прошёл мимо, «будущие подчинённые» не обратили на него никакого внимания: человек как человек, идёт себе и идёт. Правда те «десять копеек» были им услужливо

подброшены как намёк, но отупевшие и разленившиеся на дармовых харчах провинциальные коты-жандармы, поняли всё по-своему: «Барствует господин хороший...»

Господин ехал в город, читая мелкого калибра газету из разряда жёлтой прессы. Пропустив все новости, восхвалявшие местное и губернское начальство, в которых редактор откровенно подхалимничал, господин – «будущий начальник» остановился на статье про восставших батраков. Тут он сконцентрировал всё своё внимание и прочитал статью от начала до конца, не упустив ни одной детали.

В статье под названием: «Берегись Котовский!», журналистом довольно талантливо, рассказывалось про похождения сердцееда, смельчака и буяна, местного Арсена Люпена: Григория Ивановича Котовского, 1881-го года рождения, который из управленцев, резко перекалифицировался в гайдука – местного вида разбойника. Последняя его хулиганская выходка, была совершена буквально вчера, когда он во главе «пьяных и наглых батраков», устроил бунт, связал хозяев, забрал деньги и был таков. Проследовала цитата: «...Пьяных батраков скоро поймали и поскольку жульё – лыко не вязало, их кинули в подвал, а потом высекли. Хитрому Котовскому удалось ускользнуть и тот, обещал, что вернётся и устроит порку хозяину имения в отмщение...».

«Уголовник, таких, к сожалению, на Руси всегда было много, но не они представляют сейчас главную опасность. Грядёт война и „политические“ в ней обязательно сыграют свою роль. На войне масса народа получит в руки оружие. Именно по этой причине, сейчас так важна их благонадёжность, верность не только присяге, но и самодержавию. Нужно тропиться, во что бы ни стало не допустить внутреннего раскола, изолировать смутьянов, перекрыть каналы поступления оружия. Котовских мы обязательно поймем и отправим в тюрьму, но что мы будем делать, если взбунтуется народ? Всех на каторгу не отправишь! Единство, нам как никогда нужно: единство самодержавия и народа; сплотить многонациональную империю во имя будущего!»

Долг вёл вперёд сыщика и в таком настроении, он стал знакомиться с городом. Маленький, куцый на богатые дома, городок строился вокруг рынка, имел несколько приличных лавок и даже больницу. Провинциалы расхаживали одетые в традиционные одежды из грубого сукна. Но видны были и изменения, строилась новая школа, гужевого транспорт уступал место автомобилям. Правда, было их мало, что не мешало лихачам пугать пешеходов звуками кричащих клаксонов. Сыщик, сам чуть не стал жертвой аварии. Сворачивая за угол узкой улицы, на него вдруг поехала машина и лишь только мгновенная реакция, спасла пешехода.

– Боже, – роняя кошель с яблоками, растерялась куда-то спешившая дама, – безобразно-то какое, чуть человека на раздавили! У Вас всё в порядке? – спросила заботливо незнакомка.

– Спасибо, я не пострадал. Ну и едут тут у вас, прямо как в столице, скоро совсем не будет на дороге места для пешеходов, – словоохотливо ответил сыщик.

– Ой, вы тоже заметили? Проходу от них нет. Я всегда говорила соседкам: «Нужно запретить все эти механизмы и выселить их за город», – вязалась в разговор женщина, которая была – не против, поболтать с симпатичным незнакомцем.

Тем временем лихач, который не остановился, был таков.

«ФА 453, – успел запомнить номер транспортного средства, сыщик. – Нужно будет по прибытии в участок разузнать: кому принадлежит транспортное средство?»

– Вы абсолютно правы. Мадам ...?

– Мадам Софья Михайловна Гылку, – представилась женщина, ожидая того же от незнакомца.

– Виктор Андреевич Глушко, – коротко, по-военному представился незнакомец.

Завязался разговор, из которого новичок получил достаточно сведений о жизни городка. Он узнал, что цены на рынке отличные, «гораздо ниже, чем в столице». Также, что в городе есть

отличный маленький ресторанчик «Золотая осень», где вечерами неплохо посидеть в уютной компании.

Правда женщина сетовала, что «новостей мало» и от этого все немного скучают. Далее шли сплетни и всё то, что Виктора Андреевича очень даже интересовало. Софья Михайловна, невзначай обмолвилась, что недавно в городе появился новичок, приличный вроде бы парень, но с секретом. Тот работал чистильщиком обуви, но она-то уж, заметила: «происхождения тот интеллигентного, по рукам и манерам видно». В конце разговора сыщик вежливо распрощался, обещав обязательно зайти в гости. Далее, он проследовал в участок.

К сожалению местного начальства, хитрец и тут до последнего смог скрыть свою личность. Только позже (слишком поздно), когда он открыл двери начальства, его узнали. А узнав, засуетились.

Прибывший, в узком кругу был знаком как один из лучших специалистов по сыскному делу и по борьбе с инакомыслием – специалист охраны. Представившись, специалист тут же попросил выделить отдельное помещение и энергично приступил к делам. Часом позже, он вышел из здания и, приняв все меры предосторожности, не следит ли кто, отправился на конспиративную квартиру. Как только он добрался, в подвал двухэтажного дома словно сговорившись, вошло три крепыша.

– Виктор Андреевич, – обратившийся был молодым, стройным человеком лет двадцати, – на моём участке, с точки зрения политической, обстановка достаточно спокойная. Большинство судачат о разных хозяйственных делах и не лезут в политику. Городок у нас – сами видели, захолустный, народ тихий – не беснуется.

– Спасибо Николай Всеволодович, – сухо ватно ответил Виктор Андреевич, тот самый специалист – только вот же штука, там, где тишь и гладь – всегда жди беды. У нас уже был такой «тихий городишко», помните?

Тут, для понимания сюжета необходимо добавить несколько слов о Викторе Андреевиче. В политический сыск Виктор Андреевич Глушко пришёл из армейской контрразведки. Именно он догадался, что австрийцы используют молодых специалистов: инженеров, геологов в разведывательных целях. Когда от него, из-за работы ушла жена, Виктор Андреевич сгоряча подал в отставку.

Командование долго не соглашалось и пыталось отговорить. Но Виктор Петрович твёрдо решил: службе в армии – конец. Он ходил на службу сам не свой и, видя мытарства своего подчинённого, начальник решил прошение об отставке удовлетворить. Однако перспективного офицера жал сюрприз – его пригласили в охранку. Приглашал не кто-либо, а сам Зубатов. Тот, по долгу службы, знал об офицере и не преминул попытаться перетянуть его к себе в отдел. Шеф охраны не прогадал: офицер в Центре проявил все свои незаурядные качества, уничтожив несколько глубоко законспирированных групп. Среди них, была группа бомбистов Савинкова, одна из самых опасных ячеек дореволюционной России. За отличную службу, Виктора Андреевича наградили и отправили в командировку в тихий, спокойный округ – солнечную Бессарабию.

Старинное здание веяло прохладой и спокойствием. Виктор Андреевич беседовал со своими агентами. Агент Эфилерус, ровным, хорошо поставленным голосом, докладывал следующее: «Есть сведения о том, что в город из соседних регионов стали проникать левоцентристские идеи. На сигнал сработали оперативно. Была успешно провёрнута операция „Рабочий“. Операция в целом, дала положительные результаты и многие из рабочих отказались от участия в незаконных акциях». Далее Эфилерус стал знакомить шефа с положением дел в регионе. В общем и целом, регион опять-же слыл спокойным. Местное население было мирным и терпеливым.

– Если изредка жители возмущаются, то только для проформы, до конкретных дел, слава Богу, не доходит, – на такой положительной фразе закончил агент свои умозаключения. Агент

Отшельник, в целом подтверждал сказанное агентом Эофилерус: «Люди в регионе мирные, не бунтят....»

«Что-то агент темнит», – подумал начальник. Натренированный, чуткий слух следователя улавливал в голосе агента тревожные колебания. К концу донесения, тревожные нотки участились, сложились в пазл.

Пережёвывая сказанное, начальник сыска выуживал необходимый концентрат сведений. Выяснилось, что не всё так гладко как того бы хотелось в его епархии. В губернии, также как и в остальной части империи имелись недостатки: жандармерия работала по старинке, то есть грубо и топорно. Жандармы, своими методами скорее вредили работе с населением, чем помогали. Также, беспокоили местные чиновники, которые по уши погрязли в коррупции и не собирались отходить от старых привычек «брать мзду».

Пока шеф думал, агент Отшельник закончил доклад. В комнате стало необычно тихо, словно и не было никого. Лишь влетевшая зелёная жирная муха, сбитая с толку, упорно пыталась прорваться наружу через прозрачную толщу окна. Несмотря на то, что стекло не поддавалось, муха самоубийственно, остервенело, билась головой об стекло; перелетала с места на место, ища слабинку.

«Совсем как люди, постоянно испытывают на прочность систему. Сейчас отдохнёт и вновь возьмётся за дело. Также и люди, головой долбят систему, подтачивая силу законности. Выдержим ли?» – подумал шеф.

Владимир Андреевич, придвинулся к довольно пыльному окну; сурово сдвинул брови: «Паутина надзора охраны давно накрыла тонкой, невидимой, но от этого не менее прочной сетью всю страну. Кажется, все под колпаком. Работает служба чётко, слаженно, без нареканий. Жандармы изредка помогают на подхвате и преимущественно несут службу по охране общественного порядка; участвуют в дознании. Нельзя сказать, что работа охраны не приносит плоды; наоборот. С 1902-го были обезврежены много подпольных организаций. Но почему же всё так беспокойно? Откуда растут и плодятся все революционные настроения, по какой причине? Словно кто-то бесов с цепи спустил на земли русские! За границей ведь не лучше?! Процвечают монархии, сосущие кровь из народа и колоний! Почему они там, у себя не понастраивают переворотов, мы тут как-нибудь сами разберёмся?!».

Сыщик посмотрел на улицу. На залитой солнцем приятной маленькой улочке, в тени каштанов, прохаживались празднующие провинциалы; таких везде хватает. Рядом с домом, на парковой скамейке, в тени огромного дерева молодая мамаша кормила грудью малыша. Малыш сосал жадно, полузакрыв глаза и периодически захлёбываясь, от чего смешно фыркал и сердился. Шума из-за стекла и надоедливой мухи не было слышно, но сыщик и без этого ясно дорисовал в мозгу испускаемые младенцем звуки. От этого сердце сжалось, и вспомнилась Аннушка и Костик. Если бы только он мог вернуть время, тогда бы он больше бы времени проводил дома, держа на руках белокурого Костика и всячески помогая Аннушке по хозяйству.

Пытаясь вырваться из холодных лап воспоминаний, сыщик снова всмотрелся в уличную картину; теперь обращая внимание на детали. Кормящая мать была на прежнем месте. За нею, дородная загорелая баба бальзаковского возраста, продавала бублики и всякую снедь. Перед выставленными на продажу сладостями лениво тосковал нерешительный покупатель.

Баба, глазами хищника приценивалась к покупателю, прикидывая: сколько сможет с него урвать денег. Покупатель, чувствуя напор торговки, не спешил; он просто тянул время.

Сыщик заскучал от провинциальной картинки и вернулся к своим мыслям: «К сожалению, некоторые прогрессивные идеи нашего начальника Зубатова, не получили поддержку при новом министре внутренних дел, который ставит на провокациях и репрессивных методах. Эти методы вызывают, и будут вызывать у народа отвращение, и отторжение власти. Эта непростительная ошибка ещё нам аукнется в будущем!»

Шеф думал, а агенты почтительно ждали; тема для картины во все времена. У агентов на уме было своё – шкурное, как впрочем, почти всегда.

«Выправка военная, значит из строевых офицеров; с этими всегда строго, по Уставу. По нему видно – не дурак. Такой на многое способен: и на лучшее, и на худшее», – привычными категориями думали агенты – рисуя себе внутреннюю картину новоиспечённого начальника. Окончить портрет они не успели, начальник вернулся к разговору:

– Господа, в Центре считают, что скоро будет война. В таком случае, вам конечно понятно, что разного рода провокаторы и шпионы иностранных держав, могут активизироваться. Это касается и вверенного нам участка. Поэтому меня сюда и направили, основательно расчистить территорию от неблагонадёжных элементов.

Агенты одобрительно закивали головами: «Согласны расчистить от неблагонадёжных элементов». Шеф продолжил:

– Приказываю: С этого момента, усилить работу по вербовке агентов во всех социальных слоях населения. Собирать только проверенную информацию и сразу мне на стол! Особое внимание уделяйте работе с представителями мелкой буржуазии и интеллигенции, которые всегда способны баламутить народ или наладить отношения с иностранцами! Особо проверяйте тех, кто недавно посещал границу! Также, пройдите по тем компаниям и предприятиям, где есть иностранные специалисты. Составьте список и по возможности соберите на каждого в отдельности информацию: кто, откуда, специфика работы, с кем общается, чем интересуется? Помните, враг начеку и мы должны их опередить, иначе...

Шеф не стал продолжать, так как агенты знали, что будет если «иначе». Им была известна судьба некоторых граждан, которые были ликвидированы вражескими агентами в соседней Румынии. Такой судьбу они себе не желали.

Закончив с инструкциями, Виктор Андреевич отпустил агентов, оставив при себе только своего помощника Николая Всеволодовича.

– Николай Всеволодович, – начал шеф, – сегодня вечером приедет Богомол. Необходимо всё подготовить к его приезду. Я лично приму участие в сегодняшней операции. Необходимо не упустить крота. Всё надо проверить без шума. Богомол имеет сходство с нашим клиентом, он его заменит на окончательном этапе операции.

– Слушаюсь....

Далее они перешли на полусшепот и обсудили все детали предстоящей операции. Закончив, они тотчас покинули конспиративную квартиру

Выйдя во двор, они прошли под монументальной аркой в переулок. Когда офицеры удалились, молодой чумазый паренёк, который до этого на входе во дворик упорно зазывал редких прохожих почистить им обувь, вдруг собрался уходить. Он так торопился, что его не смог остановить даже подошедший выгодный клиент.

– На сегодня я закончил, приходите завтра, – сказал чистильщик сапог удивлённому господину, – мне срочно нужно домой.

Но как же, позвольте, как приходите завтра? Что значит, нужно домой? Это чёрт знает что твориться, мне нужно сегодня, а не завтра! – настаивал господин, доставая пухлый кожаный бумажник. – Я хорошо заплачу!

Чистильщик не ответил. Он собрал все предметы ремесла в маленький ранец, накинул на плечо и пошёл своей дорогой, оставив клиента в замешательстве. Ещё секунду и оставленный потенциальный клиент разозлился – у него была назначена галантная встреча и на ней, он никак не мог явиться в нечищенных туфлях.

– Это до чего мы, господа и дамы дошли, если чистильщики сапог отказывают уважаемым господам в чистке сапог!? – пафосно в сердцах пожаловался господин дородной бабе.

Баба, упустившая одного покупателя, поняла ситуацию по-своему:

– Не расстраиваетесь, господин хороший, лучше вот – купите сладости, не пожалеете. Есть булочки, пряники... – стала она перечислять ассортимент товара.

Тут «господин хороший» стал чернее тучи (ему нужно было обувь почистить, а не сладости покупать), зло плюнул на раскалённую брусчатку, артистически развернулся и гордомешной походкой, пошёл своей дорогой.

Сцена была достаточно смешная, но почему-то никто не рассмеялся. Только молодая мамаша, у которой на руках мирно спал сытый младенец, растерянно сузила прекрасные глазки и тихонько прыснула. Ребёнок вздрогнул, заставив мамашу прекратить смех.

– Нет, вы это видели? – спросила мамашу, дородная баба, откусывая по причине нервного состояния бублик из товара, – взял, нахамил и гордо ретировался! Сдался ему этот чистильщик, туда, куда он приглашён, пряники были бы более к месту, чем его туфли! Всё равно до места покроются толстым налётом проклятой, вездесущей пыли! Павлин и только!

В подтверждение своих слов, дородная баба, сделала соответствующий случаю воздушный жест. Тут ребёнок на руках молодой мамашы, ни с того ни с сего рассмеялся и разговор пошёл о другом, простом – бабьем.

Тем временем, чистильщик обуви, провёл сыскарей до здания жандармерии. Не останавливаясь, он заскочил за буханкой хлеба в булочную напротив. Пока его обслуживали, чистильщик понаблюдал и успел заметить, в каком кабинете здания жандармерии бликнула потревоженная дверь. Расплатившись за покупку, он довольный поплёл домой.

«Теперь домой, я свою часть задания выполнил», – по дороге, закусывая горячим хлебом, думал чистильщик обуви. Мякиш падал в голодный желудок и мгновенно растворялся в кислой среде; сегодня хозяин не успел позавтракать, верно, были занятия поважнее.

Дойдя до рабочего квартала, парень свернул в узкую, похабного вида улочку. Здесь город терял даже свой скромный лоск и превращался просто в большую деревню. По грязной улочке беспорядочно гуляли куры, а в самом центре, в луже грязи мирно спал огромный боров. Одним словом – большая дыра.

Чистильщика, неопрятность улицы совсем не тревожила. Молодой парень петлял, поминутно проверяясь – нет ли слежки? Он не сразу завернул домой. Для подстраховки, парень сделал ещё несколько лишних кругов и вконец, не заметив ничего опасного, резко прошёл через разлом в заборе и оказался во дворе нужно ему дома. Быстрым шагом он приблизился к дверям, достал ключ. Зайдя в дом, он принялся за работу. Сначала он скинул одежду, снял парик, усы; смыл грим. Перед небольшим зеркалом на стене, стоял другой человек – даже не человек, так – серая мышка; глазам не на чем зацепится. Лицом, фактурой – самый типичный «обычный» человек, каких пруд пруди на белом свете.

Но, такое первое впечатление было немного обманчивым. Это для тех, кто его не знал близко, он стал обычным человеком. На самом деле, он всё же многим отличался от обычного человека. Например: у него отсутствовали особые приметы, которые непременно есть у любого обычного человека: шрамы, родинки...

– Глаша, неси гуся! – завершив своё перевоплощение, агент Отшельник позвал колдовавшую на летней кухне хозяйку. Это он после встречи, расстался с первым агентом, быстро перевоплотился и вернулся отслеживать нового начальника. Он был кротом и это ему нравилось. То есть, если быть более точным, он стал кротом, так потребовали обстоятельства. Настоящий агент, давно покоился на дне пруда под названием «Французский».

Когда крот вернулся из города, хозяйка Глаша, даже не обернулась. Она знала: «Не бабьего ума дело, куда носит её квартиранта». Она по-бабьи, сердцем почувствовала, когда тот вернулся. Сердце ёкнуло, заторопилась. Мужика, тем более любимого, нужно всегда хорошо кормить, Глафира свято верила в то, что: «Путь к сердцу, он через желудок».

Он ждал гуся. Предвкушал плотный, сытный ужин, которого надеялся, хватит надолго. «В вагоне – ресторане так не кормят». Ему всегда везло с квартирой. Так случилось и в этот

раз: за сравнительно маленькую плату, он нашёл в этом богом забытом городишке не только квартиру, но и отличную в готовке хозяйку.

– Глаша, ну где ты там? – нетерпеливо, требовательно, повторил квартирант, – заснула что ли? И опять на вопрос, ему ответили молчанием.

Насторожился квартирант, потянулся к удобно лежавшему на столе новенькому нагану – потянулся, но не успел добраться. Ему просто не дали этого сделать. Внезапно, от удара кованым, тяжёлым сапогом, дубовая дверь слетела с петель и грохнулась на пол. Следом, не давая хозяину опомниться, ворвались необычно сноровистые жандармы. Отшельника хвятили по морде кулаком, выбив недавно вставленный за большие деньги зуб, а уж потом – оглушили ударом приклада по мускулисту затылку.

– А ну лежать, не сопротивляться, – зарычал дюжий жандарм, – силён вражина, стоять я говорю!

Отшельник послушно притих. В помещение зашли несколько крепышей в штатском, и начался тщательнейший обыск. Работали профессионально, но нарочито грубо. Перерыли шкафы, рассыпали бумаги, шупали одежду, разбирали кровать. Затем, не найдя ничего существенного, стали раскурочивать мебель, вскрывать деревянный пол.

Когда контуженого Отшельника повели в участок, в доме остался невообразимый бардак. Убирать было некому – Глафиру забрали тоже. Только жареный гусь, под действием тлеющего огня долго ещё шипел жиром, своими ароматами сводя с ума испуганную, спрятавшуюся в конуру Лайку.

Так агент Отшельник, вместо Санкт – Петербурга, куда стремился, попал в местный отдел жандармерии. Окончательно он пришёл в себя только в тесной, запыленной камере-одиночке. Обычная тюремная камера: каменный, холодный пол, толстые стены, уборная в углу и жёсткие нары. Стены, были сплошь исцарапаны сидельцами. Особенно явственно выделялся своими размерами большой, отчего-то немного кривой крест. На него с противоположной стороны, пробиваясь через толстую решётку окна, падал слепой луч солнца, заставляя крест слабо светиться. Какой в этом был посыл, Отшельник не понял; наверное, что-то суеверно-христианское?

Затуманенным взглядом он посмотрел на яркое пятно на полу. Свет всегда ярче, когда стоишь в темноте подвала. Зачем-то подумалось: «Зайчик на полу, совсем как в детстве. Только детство прошло, я повзрослел, почему же декор не поменялся?»

Мыслям мешал непрерывный чахоточный кашель за стеной. Кто-то там о чём-то истерически бормотал и это при таком ужасном кашле. Отшельник сконцентрировался на то узкое пространство, в котором он находился. В камере было достаточно сумрачно. Дневному свету мешала пробиться толстая, ржавая решётка давно нечищеного окна. За окном, судя по звукам, веселилась свободная улица.

Люди. Голоса. Простор и свежий воздух. От нехватки всего этого, случился приступ клаустрофобии, и Отшельник стал задыхаться. Он с детства страдал этим недугом; слабость, который скрыл от работодателя. Он закрыл глаза, представил: большое заснеженное зимнее поле, за ним – дедушкин дом, синие окна. Ему полегчало от ясного осознания заботы и уюта, которым его там и тогда окружали.

«Странно, – подумал он, – вроде бы нигде слезки не заметил. Где-то я прокололся, знать бы где, да ведь никто не скажет. Может Глаша сдала? – холодно-предательски подумал бессовестный мозг. – Нет, она не могла, Глаша ничего не знает о моей истинной работе. Тут что-то другое. Всё равно задуманному быть. Механизм запущен, его уже не остановить...»

Присел, затем улёгся на жёсткую доску нар. «Может попробовать прикинуться больным, разыграть сотрясение, тогда меня обязательно переведут в медицинский сектор; откуда будет легче сбежать? Вариант? Нет, не поверят. Нутром чувствую – не поверят. Нужно пораниться, тогда у них не останется выбора».

Заключённый осмотрелся, решился. План был не так уж плох и возможно бы сработал, если бы ему не помешали. Он не знал, что за ним следили через специально устроенный потайной глазок и как только Отшельник решился, заскрипели засовы железной двери и в камеру не вошёл, вбежал надзиратель.

– А ну не балуй, – громко, закрыв собою опасный для заключённого участок, приказал надзиратель, – кому говорят, не балуй!

Раздался треск готовой треснуть по швам ткани; в одежду Отшельника вцепились железными пальцами. Пудовая рука гнула куда-то назад. Отшельник подчинился. Одного жандарма он бы конечно одолел, так не знал – есть ли за дверью другие. Смолчал. Протянул вперёд руки. На запястьях, впиваясь в кожу, больно сомкнулись наручники.

– Ну-у-у, давай, пошли, – толкнул надзиратель. На его поясе зло звякнули разномастные крупные ключи. Какой-то он был угловатым, похожим на медведя, что ли, этот служивый. Крупный, лицо в оспинах, нос картошкой, рыжо-бурые, всклокоченные волосы под фуражкой. Толчок в спину: – Иди-иди.

Отшельник пошёл. Когда переступил порог, за дверью увидел парочку верзил; те притворялись, что просто беседуют. За ними наблюдали пара острых цыганских глаз из соседней камеры, оттуда же прорывался в коридор кашель.

«Стояли на подхвате», – твёрдо решил Отшельник. Присмотрелся к метнувшимся в его сторону глазам: «Конокрад. Значит, повели в общую...». Он снова ошибся.

– Стоять, лицом к стене, не двигаться! – надзиратель достал большой ключ из связки и стал отпирать крепкую решётку. Хорошо смазанный замок легко поддался; конвойный толкнул решётку. Ржавые засовы жалобно лязгнули – освобождая путь. – Повернись, вперёд, не оглядываться!

Наконец-то последнее препятствие – теперь уже железная дверь со створкой для надсмотрщика, привычное: «Стоять, лицом к стене, не двигаться».

Вышли на первый этаж. В коридоре было почти пусто; в сторону выхода из здания прошли несколько вооружённых жандармов. Вместе с конвойным без приключений прошли весь первый этаж и стали подниматься на второй.

Здание было старым, с импозантными каменными колоннами и капитальной лестницей в два ската. Кованые сапоги конвойного неприятно громыхали по камню. Стало легче, когда лестница кончилась и пошли по длинному коридору. Ступая мягко, Отшельник с интересом всматривался в таблички на обитых кожей дверях. В основном там мелькали знакомые ему фамилии жандармского руководства. Скоро дошли до нужного кабинета; доложились.

– Войдите! – вежливо, но твёрдым, приказным тоном, пробасил кто-то внутри кабинета.

– Ваше Высокоблагородие, задержанный по вашему приказанию доставлен! – подобострастно доложил конвоирующий Отшельника, жандарм. На его лбу выступила испарина, которую тотчас лизнули сухие солнечные лучи.

Задержанного ввели в просторную комнату. Сзади мягко затворилась дверь. Тут же, яркий солнечный свет через просторные окна больно ударил по зрачкам Отшельника, вызвав минутное ослепление. Отшельник зажмурился, выждал несколько долгих секунд, давая глазам, возможность оправится от солнечного удара. Когда наконец-то он открыл глаза, у окна он увидел широкую спину разглядывавшего улицу офицера. Отшельник его признал – это был местный начальник – Ларион Петрович Кренсен.

Офицер устало рассматривал до боли знакомую улицу и казалось, ему небыло дела до вошедших. Наконец-то минуты через пять, он медленно, словно нехотя – повернулся. В левой руке Ларион Петрович держал маленькое фарфоровое блюдечко, а в правой – крошечную чашечку из того же материала. Приятный запах отличного кофе ударил в ноздри Отшельника и к его стыду, ему жадно захотелось кофе. Вот так банально и по человечески – захотелось

кофе. Агент вспомнил Львов, небольшие ресторанчики в которых всегда подавали отличный кофе. Казалось, прошла целая вечность, хотя был он там совсем недавно.

Отшельник постыдился своей слабости, с ненавистью посмотрел прямо в глаза офицеру. Тот, выдержал с лёгкостью тяжёлый взгляд – на Лариона Петровича редко преступники смотрели с восхищением. Шефу жандармского управления было достаточно того, что его боялись и опасались. Ларион Петрович слыл человеком крутого нрава: «у него либо признавались в преступлении и дело шло в суд, за которым следовала каторга, либо двигали вперёд ногами в больницу на поправление и далее опять в кутузку, а уже оттуда в суд и на каторгу». Был он такой с рождения или жизнь его так сделала, никто не знал. Свою жизнь от посторонних шеф скрывал тщательнейшим образом.

– Садитесь, что же вы стоите уважаемый? В ногах правды нет, не так ли господин ...? – Ларион Петрович посмотрел вопросительно на арестованного. – Раньше мы Вас знали как неплохого агента охраны под псевдонимом Отшельник, как теперь Вас прикажете называть? – не закончив кофе, начал Ларион Петрович допрос.

Арестованному подали стул, на который он сел. Ему удалось скрыть своё удивление. Он знал, что его личные данные проходят по особой картотеке, к которой местный шеф доступа не имеет. Но у него эти сведения теперь были, а это могло означать лишь одно – он в разработке.

Нужно было что-то говорить, но почему-то хотелось молчать. «Что это со мной, раньше такого со мной не бывало? Необходимо собраться. Ненависть, страх – туманят разум, мешают думать и принимать правильные решения. Соберись. Разговор только начинается, – приказал себе арестованный».

Ларион Петрович, спокойно наблюдал за поведением Отшельника, стараясь не упустить ни мельчайшей детали его лице. Неожиданно он проявил себя с незнакомой молве стороны. Прервав неловкое молчание, шеф приказал охране выйти и ждать за дверью. Затем, предупредительно он собственноручно снял с Отшельника наручники и даже предложил агенту сигарету, и стакан воды. Такой приём смутил Отшельника. Он ждал вопросов и применения физической силы; к ним он готовился. Вода и сигареты, не входили в его планы – по крайней мере, в таком контексте. Пришлось срочно импровизировать. Проверая нервы офицера на прочность, Отшельник заговорил:

– Пусть принесут сигареты и кофе, и тогда я отвечу на все ваши вопросы.

Какого же было удивление, когда его просьбу удовлетворили. Было подано горячее, чёрное ароматное кофе и отличные сигареты. Такое обращение заставило агента ещё сильнее насторожиться. Если бы Отшельника в кабинете шефа стали бы сразу мордовать, допрашивать с пристрастием, он бы такое обращение бы понял – такая практика была обычной для жандармских отделений по всей России. Сейчас же, с ним обращались иначе, шли навстречу и от этих «нежностей» мурашки забегали по волосатой спине Отшельника. Он понял, это была другая, высшая лига игр органов сыска, где игра на вылет идёт по другим – вычурным правилам. Теперь он знал: предстоит очень длинный и трудный разговор – возможно последний в жизни разговор – финальный.

Не начавшийся разговор неожиданно отложил стук в дверь. «Ну, прямо день сплошных неожиданностей», – успел подумать Отшельник.

Шефа жандармов деликатно позвали в коридор. Ларион Петрович хмурясь – он не любил когда его прерывали и отрывали от дел, по-военному резко вышел. Вместо него, тотчас в кабинет зашёл прежний жандарм. Блюстителю закона удивился, что на задержанном, не пристёгнуты наручники, но не стал их надевать. «Начальству виднее», – правильно решил стороживший Отшельника жандарм. Сидели молча, а по комнате, дразня нос, плавал растворённый в знойном, немного ленивом летнем воздухе, запах дорогих сигар и кофе. Видимо хозяин кабинета так пристрастился к этим двум изделиям, что их запах крепко въелся в окружающую обстановку. Сигарами и кофе пахла дорогая мебель, персидский ковёр, люстра, углов-

ные дела, тяжёлые шторы и даже огромная печать на столе. Всё это резко контрастировало с той спартанской обстановкой, которая царила двумя этажами вниз.

– ...ять, – из-за дверей проскочил искалеченный обрубок непристойного слова. – Да, непременно будет через час. Да, так и запишите: Будет через час!

Было не совсем понятно: о чём там, за дверью? Кому и где надо успеть через час?

«Кто это интересно позвал Лариона Петровича на разговоры? Думай, скорее, думай – пока есть время – думай, рассчитывай возможности, – вторил себе Отшельник. Что вообще происходит: я просто задержан или арестован? Может они только решили меня прощупать и...», – Отшельник не успел додумать свою фразу, его прервал вернувшийся в кабине шеф. По его виду Отшельник понял: «У Лариона Петровича только что состоялся непростой разговор».

– Ну, что-же голубчик, теперь я надеюсь на то, что на нашу любезность вы ответите своею. Будьте добры, объяснитесь: – Что вы за фрукт?

Масляными глазами хищника смотрящего на свою законную добычу, жандарм хитро мигнул ёрзавшему на ставшем неудобном стуле подозреваемому. Дело казалось, набирало приличный оборот, и шеф предвкушал ожидаемую развязку: признание, раскаянье – суд.

И тут Отшельник начал говорить, много с деталями и так интересно, что его прерывали только чтобы успеть всё внести в протокол. Он добивался одного, чтобы его отправили в Санкт-Петербург, пусть даже под усиленным конвоем. Его желание исполнилось, в тот же вечер, Отшельника отправили под конвоем в столицу. Но ему не суждено было доехать; потерялся в пути.

Глава третья: Происшествие

Нельзя представить Бессарабию начала XX-го века без этого живописного, вошедшего в историю, фольклор и народную память, персонажа. Сейчас его конная статуя, красуется в Кишинёве. На массивном красном пьедестале из красного гранита, с высоты пятиметрового роста, строго и гордо на прохожих смотрит бронзовый человек, будто спрашивает: «А ты, что сделал для своей страны?». Перенесёмся же обратно в гуцу того времени:

Раздирающие душу гудки паровоза, оружие машинисты, скрежет тормозов, искры от трения железа колодок, неприятный запах гари и всё это посреди глубокой южной ночи. Сонные пассажиры попадали с мягких коек на жёсткий пол, проклиная хулигана машиниста, посмевшего так грубо и против правил резко затормозить.

Но бурю слов быстро заткнули звуки выстрелов. На поезд напали. Напали подлю, ночью, как всегда внезапно и не вовремя. Спил и свалив огромный орешник на рельсы, бандиты заставили машиниста стать хулиганом. Вообще-то налётчики не собирались стрелять по пассажирам. В воздух, для остротки «Да», но в пассажиров «Нет». Их интересовали не пассажиры, а известный груз, который ехал под надёжной охраной в российский Центр спецопераций того времени. Напав ночью, лихие люди надеялись застать солдат охранения врасплох и избежать кровопролития. Но они быстро поняли, что просчитались. Виной стала случайность: у старшего офицера охраны в дороге страшно разболелся зуб.

Коренной начал болеть еще в Кишинёве, при отправке. Тогда офицер неосмотрительно решил, что зубная боль пустяк, мелочь. В пути, может быть от сквозняков, может от чего другого, пустяк перерос в большую проблему. Адская боль съедала офицера изнутри, мешала службе и отдыху. Как же теперь он жалел, что – до поезда, не заскочил к зубному на Измайловской. Лилия Романовна быстро бы проблему решила: удалила бы зуб и не мучился бы он теперь. Но кабы он знал. Не знал – не сделал – страдай! Всё как в той – из детства присказке. А тут как назло ещё одного задержанного передали на конвоирование в столицу: «Сдался он ему, когда и так ценный груз на душе».

Боль, адская боль – ни сна, ни поесть, ни отдохнуть. Осунулся, под глазами набухли, почернели мешки: «ноет и ноет проклятый». Офицер испробовал все знакомые методы: табак под язык, немного коньяку – не помогло.

«Скорей бы столица, сдам груз и к врачу. Удалю, достаточно натерпелся. Хоть бы день поскорее наступил, днём как-то веселее». Отчего-то онемела рука, решил пойти проверить: не спят ли солдаты в карауле?

– Не спится Ваше благородие? – спросил старый солдат Петренко, когда старший офицер показался на горизонте.

– Зуб, проклятый замучил, – показал офицер на вздутую щеку, – флюс, как бы заражению не случиться.

Петренко помялся, сунул здоровенную, крестьянскую лапу в карман не по погоде тёплой шинели, порылся и достал какой-то свёрток.

– Держите Ваше благородие, мне одна знахарка дала измельчённую траву, головную боль миглом снимает при хвори; может, поможет и при зубной?

Офицер нерешительно взял свёрток, высыпал в ладонь несколько сморщенных лепестков непонятной травы; остальное, вернул хозяину. Сушёные лепестки, были крохотные, воздушные, вызывали недоверие. Как назло, зуб кольнул подсказывая: «А чем чёрт не шутит, попробую» – решился офицер.

– Горька... – лицо офицера скукожилось в гримасе, – горька проклятая.

– Горька Ваше благородие, горька, но помогает, обождите чуток, – ободряюще проговорил Петренко и, забывшись – закурил на посту. Офицер, расстроенный болью, не рассер-

дился, позволил подчинённому эту вольность. Это только в штабах, да книгах по Уставу живут. В повседневной армейской жизни, офицеры и солдаты соприкасаются так близко, что имеет место быть дружбе, солдаты они же в первую очередь – люди. С Петренко офицер познакомился ещё безусым, с юнкерской школы офицером. Прослужили они вместе не один год и теперь, когда солдату оставалось несколько месяцев до демобилизации, не стоило портить дружбу ради сигареты на посту. Тем более что вроде бы целебная трава, стала работать. Боль ещё присутствовала, но стала слабее, забила куда-то в угол разума.

Именно в этот момент поезд задёргался, затрясся. Где-то там впереди, прерывисто визгнул гудок, по змеиному зашипели горячим паром котлы и поезд затормозил.

– Что там – чёрт побери, происходит у машинистов, пьяны ли они что-ли, не дрова везут?! – рассердился офицер.

Офицер, забывший про зубную боль, выглянул в окно, но кроме черноты ночи да слабого света вереницы окон вагонов, ничего не разобрал. Он всмотрелся, сколько смог в темноту. Из того, что увидел, определил, что местность было глухое, опасное.

– В ружьё, – приказ всполошил солдат охраны и те заняли посты; зацокали затворами.

– Стрелять только по моему приказу, патроны беречь, – тихо, но отчётливо отчеканил командир – на поезд совершенно нападение.

Кто-то выключил свет. Стало совсем темно, но постепенно, глаза изготавившихся к бою солдат, привыкли. На улице забегали тени – словно не люди, а черти.

– Заходи справа. Наш вагон номер четвёртый. Не суйтесь под пули. Быстрее, поторопитесь же...

Тени спешили, взяли поезд в клещи. По вагону №4, крупным градом забарабанили пули. Обшитые толстыми листами железа стенки вагона, пока что держались. Пули отскакивали тупыми болванками и падали с глухим звуком на железнодорожную насыпь. Слабым местом оставались окна, на которых – по причине конспирации, не повесили решётки. На них и сконцентрировали обстрел налётчики. Легко бронированное стекло, отчего-то расплозлось после первых же выстрелов и не прошло и нескольких минут, как все стёкла вагона были побиты.

«Чертяки вагоностроители, на всём жульничают. Стекло то не того качества, когда же на Руси научатся делать всё по хозяйски, как для себя? Впрочем...» – выругался солдат. Офицер вспомнил родную деревню и решил: «Никогда. Наше авось никуда не деть и не пропадёт».

Просвистела тупоногая пуля и врезалась в доску, в сажени от головы офицера. Налётчики явно стреляли наобум. Царившая в вагоне №4 темнота, мешала рассмотреть притаившихся солдат. Опять цвенькнуло, – теперь о железо, затем: ещё и ещё, в этот раз в несколько пядей от живых мишеней внутри вагона.

«При такой плотности огня, потерь не избежать», – решил старший офицер и стрельнул в ответ. Солдаты молчали, ожидая приказа.

На одинокий выстрел офицера, налётчики ответили беспорядочной пальбой. Пули, пущенные из оружия разных калибров, градом устремились в сторону того места, откуда стрелял офицер.

«Раз, два, три ... пять», – сосчитал офицер нападавших по вспышкам.

– Стрелять на поражение, – наконец-то скомандовал офицер и выстрелом в упор, ловко осадил одного пытавшегося попасть в вагон наглеца. Тот охнул, сполз с окровавленного окна и так и остался на каменной насыпи.

«Теперь четыре, одного уложил, – подумал офицер и сразу же поправился: – скорее всего, это не все». Последующие события служили ему подтверждением.

В перестрелку разом вступили все солдаты и бандиты поняли: силой им хорошо засевавшего в вагоне противника не одолеть. Тогда налётчики решили пойти на хитрость, сменив тактику. В дело вступил их главарь – тот самый, колоритный персонаж.

Но сначала нужно приглядеться, к другой, может не такого ранга, но не менее интересной личности, Отшельник, разбуженный звуком близкого боя, успел прийти в себя, разобраться в происходящем и решил воспользоваться возможностью бежать. Это он был тем самым конвоированным. Стараясь не вызвать подозрений, агент стал расшатывать нащупанный им ещё вечером плохо вбитый в доску пола огромный железный гвоздь, намереваясь его использовать не по прямому назначению.

Гвоздь царапался, не поддавался, но Отшельник упрямо делал своё дело. Миллиметр за миллиметром, сдирая кожу, гвоздь отошёл от доски ровно настолько, чтобы под него было возможно подsunуть крепкую цепь наручников. Сделав это, Отшельник осмотрелся – не следит ли кто. Выждав, когда перестрелка ожесточилась, Отшельник потянул обеими руками на себя и вытащил упирающийся гвоздь. Он мгновенно перехватил гвоздь юркими пальцами, воткнул остриё в замочную скважину и наручники расстегнулись. Цоканье можно было бы расслышать, если бы не выстрелы. Осмотрелся – не заметили. Теперь руки были свободны. Массируя по очереди пришибленные запястья, ещё раз проверил, не следит никто?

Охрана отстреливалась и была занята налётчиками. Он остался сам по себе. Повезло, что от изрешечённого окна было рукой подать. Со свежей струёй, в вагон ворвались запахи поля, леса и всё это вместе манило свободой. Прыжок в окно, стекло выпало наружу и вместе с ним, Отшельник очутился на свободе. И сразу задышалось вольнее, радостнее.

Однако рано он радовался, к нему тотчас подбежали крепкого вида незнакомцы, заломили руки назад, прикрыли рот рукою.

– Не шевелись, иначе...

Грубоватая речь не обещала ничего хорошего. Он уже не хотел быть невольником; решил отбиться. Приём рукопашной и сустав напавшего на него незнакомца глухо хрустнул; револьвер переключался в руки Отшельника.

– А-а-а-а, – заорал бандит во весь голос, – ах ты гадина, да я тебя за это...

Последовал удар ребром ладони в кадык, бульканье. Бандит затих и задёргался в коротких конвульсиях. Его мозг уже умер, следовала очередь молодого тела.

– Филимон, что там у тебя? Зараз помогу, – поспешил кто-то на стон.

Подручный бандита не успел понять, что у Филимона? Вошедший во вкус драки Отшельник убил его ударом пальцем в глаз. С характерным неприятным хрустом, натренированный палец, вонзился по корень в мякоть мозга. Бандит, к его счастью, даже не успел понять, что случилось? Он мгновенно умер; без боли умер. Отшельник вытер палец о воротник убитого и словно пантера, по-кошачьи, изящно хищно кинулся в ночь. За ним сомкнулась густая, желеобразная темень южных широт, которая скрывала два лежащих рядом на железнодорожной насыпи тела.

Перестрелка в вагоне продолжалась уже порядка четверти часа. Отшельник как раз огибал вагон, когда заметил, как внутри соседнего вагона грабили пассажиров. Напуганные, безропотно, словно загнанные овцы пассажиры, снимали с себя все дорогие вещи и покорно отдавали налётчикам. Граждане лишались ценностей: бижутерии, дорогих портсигаров и конечно денег, которые покидали одни карманы, чтобы осесть в другие. Странные какие-то были эти грабители: они не скрывали свою внешность, видимо не опасаясь преследования властей. Тут только Отшельник увидел главаря. Крупный, хорошо сложенный молодой мужчина выделялся среди своих подручных. Одет он был по последней тогдашней моде: хороший шерстяной костюм, франтоватый галстук, дорогое пальто и отличные ботинки. Голова мужчины была гладко выбрит, а в каждой руке он держал по новенькому револьверу.

Отшельник задержался у окна и услышал как приблизившийся к пассажирам главарь, среди которых было много светских дам, вдруг обратился к ним на прекрасном французском языке:

– Madames, Messieurs, je vous prie de m'excuser pour avoir vous déranger ci tard! En effet, je n'envisage pas de vous faire peur plus que cela est nécessaire, – сказал он с любезностью вхожего в утончённое общество, светского господина.

Поклонник Арсена Люпена продолжил монолог по-русски:

– Дамы, Господа! Прошу ещё раз у Вас прощение за столь беспардонное ночное вторжение; обстоятельства-с вынудили. К сожалению, несколько господ, которые так некстати засели в нужном мне вагоне – не хотят сдаваться. Они вынуждают меня прибегнуть к вашей помощи! Мне не остаётся ничего другого, как попросить оказать мне маленькую услугу.

Как-бы в подтверждение сказанного, в смежном вагоне раздались пару винтовочных и несколько револьверных выстрелов со стороны тех самых господ, которые не хотят сдаваться. За выстрелами послышались отчётливые стоны раненых.

Вожак, отобразил на лице искреннее неудовольствие происходящим, продолжил свой монолог:

– А вот и подтверждение моих слов. Прошу Вас господа, выслушайте меня внимательно и тогда всё закончится быстро и безболезненно. Чтобы ни у кого не остались сомнения, разрешите представиться: Григорий Иванович Котовский. Для Вас господа, просто Григорий Иванович. Я думаю этого имени будет достаточно, для того чтобы убедить Вас в моей серьёзности в деловых отношениях.

Сказав это, Григорий Иванович пытливо обвёл глазами присутствующих, ища подтверждение того, что его знают и понимают. Судя по лицам, пассажиры всё поняли. Григорий Иванович не ошибся.

Свой Арсен Люпен в Бессарабии объявился не так давно, но шуму успел наделать много. Что было самое страшное для здешних господ, так это то, что чернь, так называемый — народ, воспринимали грабителя за своего, доморощенного Робин Гуда, который, как и тот – из Шервудского леса, грабит богатых и делится с бедными. Это мнение на самом деле не совсем соответствовало действительности, Григорий Иванович при плохом раскладе, не брезговал и середнячка корову увести в лес на прокорм, но – в общем и целом всё делал правильно. Главное, он сумел доказать всем: с ним шутки были плохи, пусть и в обиходе изысканные манеры и свободное изъяснение на французском.

Пассажиры знали и с замиранием сердца ждали развития. Особенно внутренне трепетала одна богато, с изыском одетая, дама. Ей одной – было чего опасаться, ведь она, была женой известного банкира, который водил дружбу с самим губернатором и был вхож во многие кабинеты. Более того, к мужу часто обращались за помощью очень известные в Империи люди, которым он, под честное слово одалживал немалые средства. Расплачивались должники не всегда вовремя и не только деньгами, но порою оказывали такие услуги, которые банкир никакими деньгами не смог бы приобрести. Одним словом, жене деятеля такого ранга, было чего опасаться.

Как назло от Григория Ивановича, ставшего по роду своей специфичной деятельности неплохим психологом (работал он-то как-никак с людьми), не ускользнули страхи и особенная нервозность дамы. В том то и дело, что особенная нервозность. Тогда как большинство пассажиров, несмотря на его «ласковые слова» дрожали и даже плакали, дама сохраняла лицо. Она лишь сильно побледнела что, кстати, ей очень шло. Дама держала марку породистой леди. Гордость и предубеждения её выдали.

Григорий Иванович, кошачьей походкой подошёл к даме, присмотрелся.

«Где-то я её уже встречал. Вопрос где? Он вспомнил: – Я её видел в имении у моего благодетеля Манук Бея. Она тогда приходила вместе со своим мужем, банкиром Разумовским. Так в-о-от, что за птица попалась мне в руки?!»

И до того холодные глаза Робин Гуда застудились изморозью. Григорий Иванович сделал свой выбор: «Эта дамочка и поможет мне при переговорах с солдатами. Остальных пока оставим в покое».

«Что же этот холоп на меня так уставился!? – недовольно думала жена банкира – ему что, мало того, что ограбив нас до нитки, он прославит позором?!». Госпожа Разумовская не привыкла, чтобы на неё пялились, всякие тёмные личности, тем более поздней ночью, когда она не блесит. Женщина всегда остаётся женщиной, пусть даже в критической ситуации.

– Миссис, покорно прошу Вас пройти со мною, – сказал Григорий Иванович, не терпящим возражения голосом, тем самым прервав думы заложницы ситуации, – мне понадобится от Вас одна маленькая, незначительная услуга, за которой я Вам буду безгранично благодарен.

Дама побелела, но подчинилась. Тогда Григорий Иванович галантно взял госпожу Разумовскую под руку и осторожно, словно ведя её на бал, направил в сторону злополучного вагона, насовсем иного рода танцы. Григорий Иванович вёл себя порядочно, можно сказать в высшей мере галантно. От этого проявления мужской силы, а может, почувствовав запах дорогого, скорее всего французского одеколона, госпожа Разумовская как-то быстро сбавила спеси и даже начала присматриваться к грабителю.

«Кавалер однако, не то что мой, только о деньгах и о затратах», – лихорадочно, почти восторженно, подумала заложница. Краем глаза она приценилась к бандиту: «Жаль что бандит, иначе бы я с ним с удовольствием закрутила милый, скоротечный роман». Что-то дивно-бесовское творилось с чопорной особой: щёки порозовели, груди налились, взбугрились сосками и стала она женственной, красивой, доступной.

Григорий Иванович, кавалер опытный, изменение заметил. Однако сейчас ему было не до ухаживаний и заигрываний, сейчас он был на работе.

Пока они шли, раздались ещё несколько выстрелов. Кто-то в злополучном вагоне №4 жалобно охнул. Затем, установилась напряжённая, пугающая тишина. За такой тишиной, обычно в море грядёт буря. А что на суше? На суше то же самое. Сколько раз в безветрии разом наступает громом, водяными потоками, вихрями, буря? Внутри вагона №4, воздух искрился от напряжения, готовился взорваться развязкой небывалой, кровавой. Охрана была готова идти до конца и не сдаваться. Русские не сдаются!

Снаружи вагона было не лучше. Посреди леса, стоял замерший в ожидании трагедии эшелон. Внутри паровоза, опытный машинист стоял навтыжку под чёрным дулом револьвера, не смея даже взглянуть на державшего оружие верзилу. Машинист смотрел на другого налёточика, того, который залихватски играл острым как бритва ножом. Бандит, совсем как циркач, выделявал разные номера и как бы он не кидал остро заточенный нож, тот глубоко вонзался в деревянный брус, служивший машинисту опорой при движении.

Над мишенью висел манометр, который показывал, что давление в котле ещё довольно высокое. Несколько раз циркач, приостановив игру, спускал пар. По его уверенным жестам, машинист понял, что бандит либо работал на железной дороге, либо где-то этому ремеслу научился.

– Эй! Кто там у вас – за старшего? Отзовись! – требовательно крикнул Григорий Иванович уже без всяких любезностей, видимо в переговорах с охраной французский язык был лишним. – Отзовись, кому говорят, мать вашу! – добавил грубо, по-солдатски, стараясь не высываться из-за угла открытой двери; могли подстрелить. Вот такой переход с французского на матерщину.

Так оно чуть и не случилось. Ему ответили кучной пальбой. Несколько пуль попали точно в крутой косяк двери, за которым скрывался Григорий Иванович. Острые деревянные осколки пролетели так близко от знатной дамы, что та боязливо вскрикнула.

Григорий Иванович решил даму пожалеть:

– Совсем на вас Христа нету, черти вы этакие, – выругался он, – говорят же вам: здесь дама и мы хотим с вами вести переговоры.

– Не будут никаких переговоров с бандитами, даже не надейтесь, – хрипло от волнения ответил из конца вагона офицер, – можете быть уверены, у нас достаточно патронов, чтобы отстреливаться до подхода подкрепления.

Григорий Иванович, видимо что-то такое предвидел: вояки редко сдавались без боя и держались до конца. Он без перехода перешёл к угрозам:

– Послушай офицер, как вас там по батюшке?! У меня тут с собою заложник, очень знатная дама. Если Вы не сдадитесь через десять минут, то я даю вам честное слово гайдука, что стану расстреливать по одному заложнику каждые пять минут. Начну же я вот с этой самой цыпочки.

Госпожа Разумовская зарделась красным маком, цыпочкой её никогда, никто не называл. «Во даёт наглец, какая я ему цыпочка? Крошкой бы назвал, то не обидно, а так – словно уличную девку» – озлилась она. Но в следующую секунду выступила:

– Не стреляйте господу, прошу вас!!! – крикнула заложница, когда Григорий Иванович на несколько минут бесцеремонно, толкнул её вперёд, дабы вояки убедились в достоверности сказанного.

– Предупреждаю господу, все эти жизни будут на вашей совести! Хорошенько подумайте, сможете ли вы далее жить с этим?! Если даже вы и спасёте свои жизни, в чём я сильно сомневаюсь, вас накажут ваши же начальники!!!

За этими словами проследовала прозрачная тишина. Впервые с начала разговора, Григорию Ивановичу не ответили, ни выстрелом, ни словом. В соседних вагонах шумели, собирали дань, а в этом – даже раненые молчали. Видно были на то причины.

В глубине тёмного вагона, перезаряжая револьверы, капитан думал: «На данный момент у меня уже есть один убитый и два раненых солдата. Он посмотрел на убитого: всего несколько месяцев не дотянувшего до демобилизации Петренко: «Бедняга, а ведь хороший был солдат – прошёл столько всего, а тут так угораздило...»

С сожалением смотрел капитан, продолжив свои думы: «Если помощь не подоспеет вовремя, потери могут увеличиться за счёт раненых, которые истекут кровью. Одному мне натиск бандитов не удержать. А тут еще в заложниках у бандитов оказались пассажиры. Сделай они то, что так настойчиво обещают, кровь невинных будет на моей совести. Петренко солдат, он погиб на службе. Гражданские – это другое. Надо что-то предпринять и тянуть время, может помощь подоспеет вовремя».

Капитан медлил с решением, ему предстояло сделать выбор между присягой, приказом и совестью. Он думал и чем дольше он задерживался с ответом, тем нервнее становилась заложница, которая вдруг, потеряв самообладание, истерично, по-женски запричитала:

– Офицер, к Вам обращается графиня Ксения Разумовская, жена известного в губернии банкира и мецената, графа Всеволода Андреевича Разумовского, который вхож к Его Сиятельству Губернатору Бессарабии. Я требую, я прошу Вас, в конце концов, проявите благоразумие – нету на свете таких ценностей, которые бы стоили человеческих жизней! Я умоляю вас, вы уже с честью выполнили приказ и теперь, в силу обстоятельств, вы просто обязаны отступить под воздействием непреодолимой силы! Я обещаю за вас заступиться перед властями и свидетельствовать в вашу пользу!!!

Сказав эти слова, гордая женщина зарыдала во весь голос, а за нею, словно заразившись, заревели барышни в соседнем вагоне. Подтвердилось мнение, что звукоизоляция составов в то время была так себе.

Григорию Ивановичу, истерика было на руку. Он стремился усилить панические настроения и воздействовать на волю офицера. В специальной литературе это называют психическим

воздействием. Это был тот случай. Под жалобный женский рев в ночи, Григорий Иванович крикнул:

– Офицер, через секунду я нажму на курок и ты, уже не сможешь отменить смерть. Я жду!

Капитан, даже под действием просьб, женских слёз и угроз ещё не сдался. Он единственный из всех присутствующих знал, что за груз они везут и именно поэтому, ему было трудно решиться. Кроме денег казначейства, долговых расписок, они везли особый, секретный пакет. Тут только офицер вспомнил про арестанта: «Давненько я его не видел».

Капитан по быстрому осмотрелся. Место, где совсем недавно спал арестант, было пусто. На полу, среди охапки сена, остались лежать напоминаям длинная ржавая цепь с прикреплёнными к ней наручниками. Офицер поднял глаза к окну разбитому окну: «Ушёл через окно гад, этого ещё не хватало!»

Рядом тихонько вздохнул, отдавая Богу душу, один из раненых солдат. Глядя на его широко открытые голубые глаза, капитан почувствовал всю тяжесть командира ответственного за своих солдат: «Второй». Тяжесть ответственности навалилась, мешая дышать. Капитана стошнило. И вдруг, наступила минута безразличия. Она то и помогла принять решение. Хрипло, но достаточно чётко, крикнул:

– Стойте. Я хочу говорить со старшим, с другими переговоры я вести не буду!

Пока капитану не ответили, он достал секретный пакет и, стараясь не шуметь, протиснул его через небольшую щель между неплотно сбитыми досками вагона наружу. Железный лист отбило пулями и он угловато свисал, внося беспорядок во внешнем порядке вагонов. Этой части вагона №4 досталось большинство пуль налётчиков и местами, он напоминал крупное сито. Просунув пакет наружу, капитан надеялся, что ночью никто из посторонних не заметит, а как только бандиты уйдут, он даст Бог сможет его подобрать.

– Офицер, – Григорий Иванович, терял терпение, – у нас тут времени в обрез, выходи уже, иначе...

Котовский не договорил. Внезапно в дальнем конце ярко вспыхнула керосиновая лампа. В её свете возникла во весь рост фигура боевого, со шрамом на лице офицера. Это был капитан. Огромный при дрожащем свете, он надвигался уверенно, помогая раненому в плечо бойцу передвигаться. Оба были безоружны. Стало ясно: охрана перестала сопротивляться.

Бандиты акт бравурный не оценили, ринулись мстить за своих погибших и раненых поделщиков.

– Назад. Солдат не трогать! – резко рявкнул Григорий Иванович, расталкивая своих подопечных, которые было, замахнулись кулаками на военных.

Его приказ был исполнен, но капитан до того успел схлопотать кулаком по больному месту. По треснувшим от жара и удара губам, заструилась красная, солёная кровь. Вместе с нею, изо рта вывалился проклятый зуб.

– Нет худа без добра, – криво усмехнулся капитан; более он не мог влиять на ситуацию и ожидал милости победителя.

Котовский, подошёл и стал внимательно рассматривать военного. Пока из вагона выносили всё ценное, Григорий Иванович хищно, с усмешкой, покругил, словно коршун вокруг своей добычи. Он перестал сверлить глазами офицера только тогда, когда мимо потащили тяжёлый сундук с казначейскими билетами.

– Ну, господа, извините – мне пора спешить, вы меня и так порядочно задержали, б поспешил вдруг Григорий Иванович.

Он засобирался, не выпуская из-под наблюдения поверженного врага, отошёл к узковой двери вагона. На выходе, ему подали отличного вороного скакуна. Не прошло и десяти минут, как бандиты, по разбойничьи свистя и куражась и как обещали – никого не тронув, ускакали в ночь. Впереди, выгодно отличаясь от серой массы, скакал тот, которому было предназначено в будущем стать легендарным комкором красных отрядов.

Некоторое время ещё улюлюкала ночь эхом, постепенно успокаиваясь. Как только воцарилась тишина, капитан, оставив раненого на попечение пассажирки, спрыгнул наружу. Ему нужно было поскорее найти пакет. Спотыкаясь о гранитную насыпь, капитан слепо побежал туда, где он должен был упасть. Луна светила тускло, экономно, и в тот момент, когда он подошёл к нужному месту, вообще скрылась за тучи.

Южная ночь ехидно съела все краски. Стояла такая темень, что капитану минуты через пять остановился. Он достал из кармана зажигалку. При её слабом свечении приступил к поискам. Рука скользила по шершавым шпалам, нащупывала зернистый мелкий гранит, гладила железную колею, травинки. Пальцы нащупали даже несколько смятых тупоносых пуль, отрикошетивших от вагона. Но пакета нигде не было, он, словно в воздухе растворился.

«Нужно было его сжечь! Поздно, взял бы с собою керосинку», – запоздало подумал офицер. Стал искать дальше. Но пакета не было, он исчез, как в воду канул.

«Видимо кто-то из бандитов, стоящих снаружи увидел упавший из вагона предмет. Ветра-то нету и я уверен, что ищу в нужном месте! Плохо. Всё сложилось очень и очень плохо – пакет с секретной информацией утерян, а это трибунал...»

Капитан понял: его ждут крупные неприятности...

Глава четвёртая: Война

Первая мировая, плиннианским вулканом, высвободила взрывную энергию, копившуюся за десятилетия предвоенного периода. Война, подчинила людей своей прихоти и поменяла не только их жизни, но и их самих.

Старые империи, обладающие многочисленными колониями, в какой-то момент из ревности, цинично объединились в стремлении сдержать аппетиты окрепшей Германии и поддерживающих её государств. Они так поступали в надежде сохранить навязанный миру порядок. Будь Германия и её союзники на месте старых империй, они поступили бы также. Будущие противники не сильно друг от друга отличались, скорее наоборот.

Экономическое давление: санкции, эмбарго, запреты. Все инструменты для развязывания войны к 1914-му году были опробованы. Делалось буквально всё то, что противоречило здравому смыслу и доброй воле. Именно по этой причине, к 1914-му году ситуация накаляется до предела и нужен был только толчок, искра, чтобы мир рухнул в тартарары. Ситуация усугубляется тем, что старые империи, обуреваемые внутренними страстями и центральные правительства, умышленно ищут возможность выпустить пар. Старые, опробованные репрессивные методы сдерживания народа уже не помогают, нужны новые варианты. Дело идёт к войне.

Первая мировая, видимо была, как её позже окрестили Советы, в первую очередь войной империалистической: за мировое политическое и экономическое господство. Старый мир лихорадило. По крайней мере, две империи, Австро-Венгерская и Российская, страдали хроническими болячками.

Их проблемы были разного характера: Австро-Венгерскую империю сотрясали конфликты, связанные с освободительным движением народов, которые хоть и входили в её состав, не принадлежали к титульным нациям и откровенно угнетались. К этим народам в первую очередь нужно отнести сербов, искренне враждующих с ненавистными, чуждым им по духу австрийцами и венграми.

Российская же империя, хоть и многонациональная, столкнулась с проблемами совсем другого характера. Классовое общество, на крови насажденная в России, до такой степени несправедливо, а пропасть между богатыми и бедными такое большое, что даже при помощи самых жёстких методов, Правительство не может полностью подавить в общественном сознании революционные идеи.

В Империи живут две России: одна, богатая, сытая, «элита» общества и другая, бедная, угнетённая и необученная. Вторая, то есть большая часть: бунтует, требует справедливости и реформ.

Первым серьёзным испытанием на прочность для государственного устройства становятся события 1905-го года. Отсутствие справедливого распределения богатств и действенных социальных реформ, приводят к всероссийской стачке 1905-го года, во время которой начинается прямое вооружённое противостояние. Хотя это выступление подавлено и Правительство постаралось изолировать наиболее опасные элементы, одними репрессивными методами народ не удалось успокоить.

В Правительстве наконец-то понимают, что нужны другие, новаторские методы. Начинается трудный процесс поиска компромиссного решения по реформированию России.

К началу XX-го века Российская империя опаздывала с социальными реформами. Не стоит впадать в крайности и считать, что отставали по всем показателям. Капитализм, который породил новую буржуазию, стремительно истреблял пережитки старого мироустройства. В то же время, новый тип хозяйствования сохранял систему привилегий, деля общество на два лагеря: эксплуататоров и те, кого эксплуатируют. Такая ситуация была во всем мире. Но Рос-

сия, умудрилась сохранить всё худшее даже при наступлении капитала, который добавлял плохого к худшему.

На растущий запрос общества о переменах, Правительство, при одобрении монарха, возглавляет тот самый Столыпин, который предлагает глубоко реформировать дряхлую и подгнившую систему государственной машины.

Одной из первостепенных задач, становится решение проблемы крестьян. Российские крестьяне бедствуют и эта проблема не случайность, а скорее – закономерность, результат исторической несправедливости. Освобождение от крепостничества на Руси, было проведено таким образом, что крестьяне вроде бы стали свободными, но только формально, на бумаге чиновника.

На самом же деле, при отмене крепостничества, земля так и осталась под барином, которые сдают землю в аренду на драконовских условиях, не считаясь с особенностями земледелия в климатических условиях России. Отсутствуют рыночные отношения при формировании цены на аренду и куплю-продажу земли. Аппетиты собственников по большей части объясняются желанием жить на уровне европейских господ и даже лучше. В моде заграничные поездки, кутёж в Париже, отдых в Швейцарии. Едут потому, что модно, реже – лечить хандру. Из-за устаревших методов хозяйствования и низкой производительности труда доходы не покрывают расходы. Хозяева жизни начинают жить в долг. Земли заложены и перезаложены, а страдают в первую очередь крестьяне, которые возмещают проценты по закладным. К слову, хозяева заводов, яхт, пароходов, выручали лучше, выжимая все соки из рабочих и русских земель.

К 1906-му году, Правительство, лавируя между сторонниками и противниками, наконец-то даёт старт Земельной реформе. С самого начала продвигается она с трудом, так как с одной стороны – власть имущих, ставленники которой заседают в Правительстве, а с другой стороны – недовольный своим бедственным положением народ.

Может быть именно поэтому, как ни стараются реформаторы модернизировать страну, они не могут быстро дать достойный ответ на все возрастающий запрос общества на социальную справедливость. Косметический подход, только усугубляет ситуацию, скрыв от глаз Императорского двора те глубинные процессы, которому подвержено русское общество. Множатся количество революционных движений разного толка, от либерального до откровенно террористического. Все эти движения, со временем объединяются, поставив себе целью свержение государя и захват власти силой. Интересно то, что некоторые из этих организаций, получают субсидии от крупного капитала, который ищет свою эгоистичную выгоду в этом разрушительном процессе. Приверженцы старого мира настаивают, шепчут Императору, что внутреннюю проблему, можно решить за счёт действий на международной арене. По мнению консерваторов, нужно срочно отвлечь массы от внутренних проблем.

Силовые структуры, попавшие в омут политических страстей, становятся заложниками ситуации, противятся, пытаются по долгу службы сделать всё то, что в их силах. Отделения охраны по всей стране борются с инакомыслием, сигнализируют по своей линии о растущей вероятности всенародного бунта. Уже не редкость вооружённые столкновения между радикально настроенными членами ячеек и агентами охраны. В воздухе пахнет гарью, пусть и огонь ещё не вспыхнул... Боевики активизируются.

Развязанный оппозицией террор, приводит к многочисленным жертвам. Гибнут не только рядовые боевики и солдаты охраны, но и их руководители. Так 15 июля 1904-го года, от рук террориста гибнет министр внутренних дел Плеве. В 1911-ом году террористом смертельно ранен сам глава Правительства Столыпин. Что дальше?

Что касается рядовых служащих, то с 1902-го по 1911-й годы, ранены и убиты тысячи. От рук террористов, революционеров и просто уголовников, погибают и случайные люди: военные, государственные служащие, купцы. Такая ситуация требует введение чрезвычайного положения. Война становится всё более удобной причиной для принятия крайних мер по огра-

ничению и до того скудных прав и свобод. Нужна причина, форс-мажорное обстоятельство. Словно по шучьему велению и по чьему-то хотению – оно возникает.

Когда молодой сербский офицер Гаврило Принцип, роковым выстрелом, прозвучавшем 28 июня 1914-го года в Сараеве, убивает наследника австро-венгерского престола, несчастного и не такого уж важного в политике эрцгерцога Франца Фердинанда и его жену, никто не хочет объективного разбирательства по делу. Наоборот, все монархии континента словно сговорившись, выставляют ультиматумы и способствуют развязыванию войны. Наконец-то появилась сакральная жертва и удобный предлог!

Первый ход на шахматной доске истории делает Австро-венгерская империя, которая, не дожидаясь ответа на свой ультиматум, 28 июля 1914-го года, ровно через месяц со дня рокового выстрела, объявляет войну Сербии и видимо боясь – предложений мира, немедленно начинает боевые действия. В отличие от простых шахмат, в большой войне чёрные делают первый ход.

Союзник Австро-Венгрии, Германия, предварительно поинтересовавшись позицией Российского престола по данному вопросу, предупреждают: «В случае выступления России на стороне сербов, Германия вступит в войну на стороне Австро-Венгрии».

Россия всеми силами старается успокоить Германию, но безрезультатно: 1 августа 1914-го года, Германия объявляет войну России. В нарушение всех установленных правил, чёрные делают второй ход подряд. Мир скатывается в пропасть...

Временно, в шаге от пропасти, Бессарабская губерния живёт в сравнительном спокойствии. Боевые действия, ей пока ещё не угрожают. Немаловажным фактором по сохранению сравнительной стабильности в регионе, является пока ещё нейтральная позиция Румынии. Зажатая между Австро-венгерской империей и Болгарским царством, соседями, которые выступают союзниками по Союзу центральных государств, Румыния не спешит, пока она в рядах зрителей. Она наблюдает за большими игроками. Причины у неё для этого более чем серьёзные. Румыния слаба. Но у неё тоже есть имперские амбиции: претензии на принадлежащую Австро-Венгрии богатую полезными ископаемыми Трансильванию.

Румынские власти обеспокоены «бесправным положением румынского населения, которое хоть и составляет большинство, но всегда на вторых ролях». В регионе, накопился огромный конфликтный потенциал и Румыния ждёт своего часа, чтобы оторвать кусок.

С другой стороны, у Румынии есть претензии к Российской империи, которая по результатам войны 1812-го года, включила в свой состав Бессарабию. Также, у Румынии есть претензии по поводу Буковины, которая, также вошла в Российской империи. Поэтому румыны медлят с выбором стороны в конфликте, хотя из опыта русско-турецких войн, Румыния склоняется к союзу с Россией. Слабая, а с такими аппетитами, что тут уж говорить о сильных странах? Забегая вперёд уточним, что до 1916-го года, Румыния в войну так и не вступит. Возможно, она морально неправа, но лучше поздно, чем никогда. Пока русским не нужен ещё один фронт, у них и так дел невпроворот...

****

Где-то на просторах России, недалеко от западной границы в Ставке обсуждался план будущей кампании на Северо-Западном фронте. На заседании присутствовали: начальник Генштаба, генерал-лейтенант от инфантерии Николай Николаевич Янушкевич, главнокомандующий армиями Северо-Западного фронта, генерал-губернатор Варшавы, генерал от кавалерии Яков Григорьевич Жилинский, командующий 1-ой армией генерал Павел Карлович фон Ренненкампф и командующий 2-ой армией генерал от кавалерии Александр Васильевич Самсонов.

– Николай Николаевич, даже если 1-я армия использует эффект неожиданности и удачно вклинится в оборону германских войск, в чём я лично сомневаюсь, то моя 2-я армия всё

равно не сможет её достаточно эффективно поддержать. У нас на данный момент 50% личного состава и к началу боевых действий будет не более 75%, – настаивал на своём генерал Самсонов, – силёнок не хватит.

– Александр Васильевич, голубчик, поймите же наконец, решение наступать не случайно, политическая обстановка требует, – парировал начальник штаба – решение наверху принято.

– И всё равно Николай Николаевич, я настаиваю, как командующий 2-ой армией я не могу согласиться с таким подходом, – стоял на своём генерал. Только народ зря положим и всё равно не сможем помочь ударившей группировке, а это может быть чревато, германцы показали не раз, на что они способны. Я умалчиваю о политических последствиях таких действий.

– Извольте, но, – вступил в разговор генерал Ренненкампф, – если задержать вторжение, тогда Притвиц сможет подготовиться и сорвать наше наступление?! Фактор внезапности будет бесповоротно утерян. Германцы, у которых шпионы повсюду, наверняка прознают про приказ на вторжение и доложат в штаб 8-й армии, – закончил генерал.

В штабе установилось неловкое молчание. Невольно, без злого умысла, генерал затронул больной вопрос предательства. До вступления в войну у двух держав были неплохие отношения: некоторые генералы знали друг друга в лицо и даже были связаны родственными узами. Раньше никто не предполагал, что Россия будет воевать с Германией и-за не принадлежащей ей Сербии.

Фон Ренненкампф не назвал фамилий, но они и так были у всех на устах: Императрица, вторая по значимости после Императора лицо в государстве, была слабым звеном Отечества. Все без исключения знали, какую она слабость питала к исторической родине. Но более всего, настораживала военных то влияние, которая она имела на Николая 2. Тот часто безропотно подчинялся её прихотям и менял свои решения. Взять того же Распутина...

– Господа офицеры, прошу вас в этот важный для страны момент, проявить верность долгу и не впадать в ненужные домыслы! – громовым голосом, обращаясь в первую очередь к генералу Жилинскому, потребовал начальник Генштаба. – Яков Григорьевич, впредь прошу Вас не допускать таких высказываний со стороны ваших подчинённых.

Командующий фронтом, которому была адресована последняя фраза, вытянулся, покраснел и, сверля глазами провинившегося подчинённого, не терпящим возражений тоном выстрелил:

– Господа командующие, довольно пустых разговоров! Мы с честью достойной русского офицера выполним приказ и добудем победу! Как командующий вверенным фронтом, как ваш начальник и офицер, я приказываю прекратить полемику и впредь следовать полученным приказам! Наступление будет начато в срок!

Далее всё пошло как по маслу и никто уже более не решился возражать. Оговорили планы наступления и стратегические цели. Желательным успехом рассматривалась возможность окружения и полного уничтожения в Пруссии германской группировки под командованием генерала Притвица. Таким образом, вся Восточная Пруссия освобождалась от германских войск.

Открывала боевые действия 1-армия. Спустя неделю, в дело вступала 2-я, под командованием Самсонова. Единственным шагом навстречу Самсонову на той встрече со стороны Генштаба, можно считать принятое решение о пополнении 2-й армии личным составом.

Закончив работу с картами и планами боевых операций, генералы любезно пожелали друг другу воинской удачи и стали спускаться по длинным и извилистым коридорам Генерального штаба.

В здании царило оживление свойственное организациям, которые бездействуют во время мирной жизни и просыпаются из спячки только в случае войны. В многочисленных кабинетах теперь работали круглосуточно: в оперативном отделе прорабатывали детали операций, сту-

чали машинки, строча многочисленные приказы и донесения. Целая когорта курьеров получала под роспись ценные пакеты и стремительным шагом сбегали с лестниц, чтобы доставить приказы в штабы фронтов. Коридоры и кулуары кишели военными.

В управлении было много офицеров старших званий, которые заканчивали последние приготовления к войне: проверялись свежие данные по поставкам оружия и провианта, готовность частей, состояние тыловых служб. Огромная военная машина не ограничивалась фронтами. От фронтов тянулись длинные цепочки в тыл, там, где: набирались новобранцы, работало снабжение и заполнялись военные эшелоны. Такая сумятица, не могла не вызвать некоторую тревогу у контрразведывательных служб, которые как могли, старались не допустить утечки информации. Как-никак, но штаб, канцелярии, отделы и управления были составляющие большой машиной, в которой работали не менее двух тысяч человек. Как уследить за каждым? А ведь есть ещё и штабы армий...

В правом крыле здания размещался штаб Северо-Западного фронта. Там же находилось отделение разведки и контрразведки. Начальником отделения был полковник Николай Степанович Батюшин, закалённый боевой офицер. Как только из Ставки в штаб фронта был доставлен приказ с планом операций, опытный офицер, приступил к разработке обширного плана контршпионской борьбы. Николай Степанович, задумал обмануть германцев, а заодно и их союзника. Он предложил подсунуть противнику дезинформацию. Для реализации этой идеи, были привлечены самые проверенные сотрудники, которых не раз перепроверили перед тем, как отправить на задание.

– Господа, вас сегодня пригласили на встречу, так как дело государственной важности, – начал полковник беседу со своими сотрудниками. – Итак, Вы отлично знаете, что в Вене, Кошице и других известных вам местах, идёт подготовка к заброске в наш тыл австрийских шпионов. На днях, нам удалось отследить нескольких, которые пока мы не задержали. Пусть пока находятся под наблюдением наших людей. Ваша задача, подбросить им важную для них информацию. Только действовать надо наверняка, только так мы поможем действующим войскам.

Далее, разъяснив задание, полковник раздал кураторам управлений по конверту и те начали действовать. Идея была проста: когда невозможно уследить за каждым, кто имеет доступ к информации, то нужно процесс её распространения брать в свои руки. Дезинформация, одно из эффективных, действенных средств борьбы с разведкой противника, когда в потоке лжи, теряется и остаётся незамеченной врагом истинные намерения противника. Русская контрразведка спешила: война должна была начаться 4 августа 1914-го года, нужно было сыграть на опережение.

Несколькими днями позже началась операция. У одного контрразведчика в Барановичах был на примете подходящий кандидат на роль предателя. Уже несколько лет военный был на крючке и сейчас пришла пора его использовать. Через него агенту противника, который под видом купца давно работал в столице, должны были сообщить о дате и плане наступления русских войск. Тот, должен был в свою очередь эту информацию передать в штаб австрийских войск в Вене, а уже оттуда, через немецкие каналы тот должен был поступить в Кенигсберг. Немцы старались знать о планах врагов и союзников заранее.

Единственное, что контрразведчикам было неизвестно, так это то, что купец давно работал и на германскую разведку, но это в принципе, даже упрощало дело. Таким образом, путь дезинформации до адресата сокращался. Организатор операции как раз работал над проектом, когда в его дверь вежливо постучали.

– Войдите, – сухо ответил на стук полковник Батюшин.

Дверь мягко открылась, зашёл крепко сбитый военный, видом своим более похожий на строевого офицера, чем на контрразведчика.

– Ваше Высокоблагородие, господин полковник, вам срочная депеша из столицы.

Было странно, что депеша, при штабе работал телеграф, можно было им воспользоваться. Взяв пакет и отпустив посыльного, полковник не стал сразу его вскрывать. Николай Степанович, сначала внимательно изучил серый, из грубой бумаги конверт. Сургуч со знакомым оттиском был на месте. Казённая бумага согласно требованиям секретности была плотная, не просвечивалась; не наблюдалось никаких следов прорезов или лишнего клея.

– Пакет не вскрывали, – полковник осторожно вскрыл конверт и вытащил маленький белый лист простой бумаги. На листке можно было прочесть следующий текст:

«Любезный друг, на юге отличная погода. Тётя приняла нас душевно и просила: не беспокоится за Вашего племянника. Мы останемся здесь на пару недель и возможно поедem далее смотреть море. Обещаю, если будет буря, то мы сразу приедem. Твоя Лиза».

Николай Степанович, прочитав ещё раз текст письма, разорвал его на мелкие кусочки и бросил в железную пепельницу. Достав спичку, он поджёт бумажки и смотрел на огонь, пока тот полностью не погас. Затем он тщательно уничтожил труху, сел за стол и достал карту.

– Всё прошло по плану. Теперь информация уйдёт в немецкий Генштаб и если ей поверят, тогда первый раунд будет за нами. Дай Бог, дай Бог...

Как никто другой, полковник Батюшин, знал о настоящем положении армии. Верхами возлагались большие надежды на энтузиазм и патриотизм солдата. Опыт полковника подсказывал – энтузиазма хватит ненадолго. Что касается патриотизма, с этим у русских людей всегда было всё в порядке, да только на одном патриотизме – войну выиграть трудно. Патриотизм требует подпитки оружием и провиантом.

У полковника были и другие причины волноваться: служба контрразведки, особенно в последний период, стала страдать тяжёлым недугом – национализмом и антисемитизмом.

Предрассудки мешали работе – постоянно приходили доносы на германофилов и лиц иудейской национальности. Проверки доносов отнимали много времени и сил, что позволяло настоящим шпионам спокойно работать в тылу и на фронтах. Особенно в этом преуспели австрийцы, которые спокойно перебрасывали туда-сюда людей при помощи жителей прифронтовых территорий.

Полковник, стоя у карты, горестно качал головой: «С ними надо бороться, а не с германофилами и иудеями».

Офицеру не дали додумать; затрезвонил настырный телефон.

– Слушаю. Так точно господин генерал, сейчас буду с докладом.

Офицер быстро осмотрелся, нет ли лишних бумаг на столе; проверил – закрыт ли сейф и только после этого пошёл на доклад.

– Информация передана господин генерал. Смеею предположить, что противник ей поверит, но на всякий случай, прошу не переносить дату наступления. Если это будет сделано, то мой источник станет бесполезен.

Полковник докладывал и сам себя ненавидел за это; подумать только: «Ну, кто придумал такие правила, что на каждую операцию он должен просить санкцию у генерал – квартирмейстера? Какая к чёрту может быть оперативность, когда вся эта бюрократическая волокита вокруг?» – злился про себя Николай Степанович.

Командующий, человек далеко не глупый, разглядел нервозность офицера. Он сам прошёл через эти переживания и отлично понимал раздражение подчинённого. Но армия есть армия: «Раз в подчинении, докладывай и согласовывай свои действия, особенно если у тебя в разработке офицер».

Офицер, о котором шла речь в докладе полковника генералу, знать не знал и ведать не ведывал, какие на самом верху по нему кипят страсти. У него были свои проблемы: болела голова после вчерашнего вечера.

«Наверное, я немного перебрал», – вспомнил офицер Дмитрий Сергеевич Микалик, вчерашнее. Как раз вчера, он не собирался кутить – денег хронически не хватало, но неожиданно – без предупреждения, заскочил давнейший приятель Олег Золотарёв, с которым они не виделись уже лет сто. Тот в столице был проездом, был при деньгах и позвал в ресторан. Было неудобно отказывать и он пошёл. Вечер получился отменный: было много шампанского, музыки и женщин. Золотарёва так развезло, что он под конец лыка не вязал. Но до этого, он успел многое разболтать про какое-то секретное задание и секретный конверт.

Друг Микалик посмеивался и не придавал сказанному значение: «Пусть Золотарёв важничает перед красотками, он-то знает, что его друг: плут и болтун». Но когда под утро, он проводил домой пьяного в стельку Золотарёва, из кармана серой шинели сорвиголовы выпал казённый конверт. Подняв конверт, Дмитрий Сергеевич заметил по сургучу, что этот пакет из Ставки и в нём проснулся известный интерес. Он не стал вскрывать конверт на улице, тем более что Золотарёв, хоть и пьяный, но конверт заметил. Микалик оставил это на потом, когда он дотащит Золотарёва до дому, что и сделал.

Будучи уже на квартире друга и убедившись, что Золотарёв мирно посапывает, Дмитрий Сергеевич умело, не сломав, а отклеив сургуч, вскрыл пакет. К сожалению, текст письма был зашифрован, но это сулило удачу. Подумал: «Раз текст зашифрован, значит, он содержит информацию секретного значения, которая может быть очень полезна для „купца“». Дмитрий Сергеевич, быстро списал стройные колонки цифр и осторожно положив письмо обратно в конверт, приклеил сургуч.

Дмитрий Сергеевич Микалик, офицер русской контрразведки, давно вёл двойную игру и надеялся, что ему это сойдёт с рук. Теперь он хотел большего, чтобы в обмен на информацию, ему простили огромный карточный долг и оставили в покое. Да что простят, он надеялся, что ему больших денег дадут; такая информация, по его мнению, стоила того. Мечтая о своём прибытке, офицер хоть и с болью в голове, тотчас, словно на крыльях, добрался до явки. Проверившись впопыхах – нет ли слежки, офицер постучал условным сигналом в дверь скромной квартирки на задворках Мойки.

Немедленно, словно его всё это время поджидали, дверь открылась. Как только офицер зашёл, дверь так же захлопнулась. Заскрипели крепкие засовы.

- Принесли?
- Принёс. Надеюсь, мы квиты?
- Мы держим своё слово, вот ваше вознаграждение.
- Так теперь мы квиты или нет?

Легкий смешок, сверкнуло холодное лезвие финки. Дмитрий Сергеевич грузно осел, даже не успев понять, что он умер. Только глаза его, такие русские и ясные, остекленели и покрылись паутиной небытия. Его не стало. Наступил его персональный конец света. Но последнюю работу он выполнил, может ему она и сочтётся на небесах, а может – нет. Русский Бог строго спрашивает за предательство...

Из того же серого обветшалого домика на берегах Мойки, куда зашёл убиенный, вышел хорошо одетый, плотного сложения человек и скрывая своё лицо котелком, быстро сел в подоспевшую чёрную машину. Как только он сел, машина резко рванула с места и поехала в порт. Тем же вечером господин сел на нужный пароход. Когда пароход очутился в нейтральных водах Балтики, в сторону чужого берега ушло следующее зашифрованное сообщение:

«Гостинцы от родственников ждите в начале сентября. Ранее, не можем выслать по причине болезни. Доктор отвёл на лечение месяц. После этого можно хоть на танцы. Курт»

Сообщение, как того желали в управлении русской контрразведки, дошло до адресата. В штабе 8-й армии, получив шифровку от Курта, зашевелились и... успокоились. Немцы ждали нападения со дня на день и теперь, зная, что у них есть целый месяц в распоряжении, немного

расслабились. Нет, русских они конечно не так боялись как французов. Просто германский план предполагал, что русских нужно было, во что бы не стало вывести из войны в течении 1914-го года, ну на крайний случай в 1915-му году. Для этого, германцам, стоящим в Восточной Пруссии отдельными очагами защиты согласно местности, было необходимо начать первыми. Двести тысяч германских солдат, поставленных под ружьё в Восточной Пруссии, были отлично подготовлены и ждали своего часа для захвата русской столицы. Тогда столица стояла у границ и являлась не чем иным, как Ахиллесовой пятой России. Отсекая голову империи, немцы надеялись, что перестанет биться и сердце России: город Москва. А когда сердце и голова мертвы, то и всё огромное тело сдаётся на растерзание врагу. Таков был германский план действий против русских.

****

В своём роскошном кабинете генерал Притвиц предавался раздумьям. Ознакомившись с текстом шифровки, генерал переправил её в Генштаб, после чего решил ещё раз просмотреть карты. В последний период, это стало его любимым занятием. Делал он это по несколько раз в день, что указывало на царившую в штабных кабинетах немецкой 8 – й армии, нервозность.

Восточная Пруссия, по всем расчётам, должна была стать первой целью русских. Одним своим расположением, она угрожала Санкт-Петербургу. Ударив, русские могли охватом отсечь 8-ю армию от Кенигсберга, затем окружить, раздробить на несколько разрозненных групп и добить. Потеря Пруссии могла привести к катастрофе для всей Германии.

Именно поэтому, изучая карту, опытный генерал старался угадать ход мыслей противника: «Одной группой русские могут наступать по берегу Балтийского моря, а другой, южнее, отсечь 8-ю армию от союзников. Такой замысел можно парировать, только обладая достоверной информацией из стана врага и обеспечив мобильность 8-й армии. Не располагая достаточными резервами, генерал делал ставку на оперативность. Для этого нужно было полученную по линии разведки информацию о сроках нападения, перепроверить».

Старого, хитрого вояку, с момента получения информации беспокоила сильная внутренняя тревога. Каким-то сверхъестественным шестым чувством он чувствовал подвох. Нужна была подстраховка. Был у генерала один козырь, про которого никто кроме него и несколько доверенных генералу лиц, не знал. Таким козырем считался агент Маркиз.

Генерал устало постучал пальцами по дубовому стулу. Когда им овладевало чувство покоя, он вспоминал уроки пианино, наигрывал пальцами Баха; это помогало думать.

Командующий 8-й армией, Максимилиан фон Притвиц, был дворянином и потомственным военным. Он принадлежал к той самой, прусской военной школе, которая продвинула военное учение в ранг науки и на которую равнялись все военные школы того времени.

Плотно сбитый, рано поседевший, с благородными чертами генерал, производил впечатление умного и открытого человека. Высокий лоб, в золотой оправе роговые очки, придавали ему вид мудреца и только жёсткий взгляд, да ястребиные черты, вносили разлад в общее приятное впечатление. Глаза генерала видели человека насквозь, проникая в самые сокровенные уголки человеческой сущности. Под таким взглядом трудно было что-то утаить.

Генерал остановил пьесу на дебюте. Поправляя по привычке свои пышные, гусарские усы, генерал нажал на встроенную в столе кнопку вызова. В кабинет тотчас вошёл адъютант.

– Ганс, – обратился генерал к вошедшему, – разыщи-ка мне срочно полковника Юргена, передай: Притвиц приказал явиться немедленно!

– Есть господин генерал, – ответил адъютант, вытянувшийся стрункой оловянный солдатик, отдал честь и вышел. Не прошло десяти минут, как генералу доложили: «Полковник Юрген прибыл и ждёт в приёмной». Генерал тотчас приказал впустить полковника.

Приёмная генерала была полна посетителей. Те, что ждали с утра и хоть немного разбились в штабном мирке, нервно заёрзали на стульях. Полковник Юрген всегда подолгу задер-

живался у генерала. Но делать было нечего, генерала и полковника побаивались и оставалось только одно – ждать.

Просителей ждал сюрприз: полковник Юрген в этот раз оставался в кабинете генерала не более получаса. Выйдя из кабинета, он коротко кивнул облегчённо вздохнувшим посетителям и пошёл выполнять приказ.

Тем же вечером, в Россию радировали приказ на имя агента Маркиз, которому предписывалось: « ... срочно, вместо Барановичей, выдвинутся в район скопления русских войск на северо-западном направлении». Агенту ставилась задача вести сбор информации на предмет боеготовности русской группы и вероятного места и времени удара по немецкому фронту. В целях конспирации, агента не стали информировать о полученной по другим каналам информации. Тот же сигнал, был отправлен на имя агента Юзеф, он же Отшельник, он же Клаус фон Бертен. Агент Отшельник не принял приказ. Он не смог ответить по независящим от него обстоятельствам – он умер. Что самое обидное для германцев и особенно для него самого, так это то, что агент стал жертвой несчастного случая. Сбежав из-под стражи и похитив секретный пакет, он так ликовал, что не заметил, как его засосало в трясины.

В Бессарабии, хоть и нет таких болот, как например – в Белоруссии, достаточно мест, где под вроде твёрдой поверхностью образуется полость. Часто в такие пустоты, засасывает скот или неосторожного путника. Такой страшной смертью погиб шпион, навсегда унося с собою пакет с планом развёртывания 2-й армии в первые недели войны. Если бы его не засосала земля бессарабская, то германцы, скорее всего, получили бы эти планы и ими непременно бы воспользовались. Так, их надежды легли на плечи одного человека, агента Маркиз.

Получив приказ, агент Маркиз, у которого на момент получения сообщения были немного другие планы, занервничал. Ему очень не хотелось упустить ту возможность, которая ему сейчас открывалась – организовать крестьянское восстание. Он так много над этим работал. Эта была его мечтой, подорвать устои царского режима. Так он стал анархистом. Но подписав соглашение о сотрудничестве с немцами, он оказался связанным с германской разведкой хоть и невидимыми, но очень крепкими цепями «дружбы».

Теперь, по долгу службы, приходилось, бросив все дела, покинуть Барановичи и ехать к границе, там, где бурлила активность разведок и контрразведок. Агент предпочёл бы покинуть страну и под видом делового человека: ехать в Берн или Женеву, там он тоже мог быть полезным. Многочисленные семейные связи и знакомства, могли сильно этому поспособствовать. Но начальство решило иначе и Маркиз, подчинился.

Когда он купил билет на Варшаву, Маркиз ещё колебался. Когда же сел на поезд, отбросил все сомнения и собрался мило отдохнуть, аж до Варшавы. Как ни странно, в поезде пассажиров (особенно пассажиров) было достаточно много. Большинство в дороге отсиживались в своих купе, но одна часть, та, что при деньгах и любит покутить, веселилась в вагоне ресторане.

Маркиз предпочитал следовать примеру первой части, но долг службы заставлял делать обратное. С другой стороны, кутить – так кутить! Старательно сложив все свои вещи, Маркиз сунул в специально сшитый карман дорогого, английского костюма маленький, надёжный пистолет. Заперев на два отворота дверь купе, он отправился в ресторан. Пока шёл, автоматически запоминал детали. Это у него было профессиональное – запоминать детали. Обладая фотографической памятью, Маркиз легко запоминал сотни лиц и тысячи мелких деталей. Глаза, уши, родинки, походка, отличительные особенности – ничего от него не ускользало.

Может быть, поэтому он стал таким ценным агентом. Часто, по памяти, он мог так охарактеризовать человека, что художникам его ведомства не составляло никакого труда набросать портрет нужного человека. Так у германской разведки появилось солидное досье с фотографиями и портретами интересующих их русских.

Маркизу его феноменальная память давала преимущество. Как только он замечал подозрительную личность, он сразу брал того на заметку и если хотя бы ещё один раз тот попадал в поле зрения агента, будь он переодет или загримирован, Маркиз его узнавал. Он всегда уходил от слежки.

В вагоне-ресторане было ослепительно шумно и весело, подавались неплохие блюда, играла музыка. Компании строевых офицеров, состязались в практическом использовании таящего на глазах отпускного времени; крепкие напитки пользовались успехом, а тосты были так изящны, что бокалы опустошались мгновенно.

Местами, в компании изящных дам, ужинали состоятельные люди: купцы, банкиры, чиновники. Как обычно то бывает, более всего на гражданке веселились военные, которые много шутили, дурачились и попеременно заводили серьёзные разговоры.

– Господа, предлагаю выпить за прекрасных дам, которые будут нас ждать, а может быть и оплакивать! – пылко произнёс тост один молоденький офицер.

Вся компания встала и хором ответила на тост:

– За прекрасных, верных дам господа!

Выпили по-гусарски, стоя и с пафосом. Локти, мизинцы; до конца. Благодарные зрительницы были вне себя от восхищения, аплодировали, кричали: Bravo господа, bravo! Есть ещё на Руси благородные рыцари, не перевелись!

Военные куражились, покупали и дарили цветы, норовили целовать ручку; чтобы потом резко, ни с того ни с сего, вернуться на место и завести между собою серьёзные разговоры:

– Мне недавно повстречался один сослуживец – из тыла, жалуется, что служба в тылу стала у него ужасно беспокойной! Всё из-за коней распроклятых! – выпив, произнёс другой весельчак.

Раздался дружный гортанный смех.

– Она-то, служба в тылу да-а-а, сложна-с, – протягивая слова, отозвался с усмехом крепкий капитан, – особенно по части коней.

Офицеры загоготали, заставив гражданских господ недовольно оглянуться. Дамы наоборот, порозовели от количества тестостерона в воздухе; продолжили строить глазки.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.